

Владимир Ли

СНЯТИЕ ПОСЛЕДНЕЙ ПЕЧАТИ

Владимир Ли
Снятие последней печати

«Книга-Сэфер»

2015

Ли В.

Снятие последней печати / В. Ли — «Книга-Сэфер», 2015

«Цивилизация, судя по некоторым признакам, терпит крах. Азия и Африка наступают, все громче заявляет о себе желтая империя. Да и сам свободный мир далек от той гармонии, на которую рассчитывали его волхвы пера и кисти. Пармская обитель принимает всех, в том числе и свободных духом, не обделенных ни любовью, ни средствами. Воистину этот мир в утеху для немногих счастливых»

© Ли В., 2015

© Книга-Сэфер, 2015

Содержание

Хромой	5
1. Самарский архив	5
2. Власть	19
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Владимир Ли

Снятие последней печати

Хромой

1. Самарский архив

Сосед Еремей или Ерёма, как называли его приятели, все свободное время гонял на мотоцикле. Летал, как угорелый, нередко крепко поднабравшись. Иногда брал и меня, которому в ту пору было двенадцать. На полицию он плевать хотел, да и до всего остального Ерёме тоже было до лампочки. Ему уже было под тридцатку, работал он в какой-то конторе по ремонту домашней электротехники, по воскресеньям пропадал на рыбалке. Одним словом муда-мудак, таких, как он, в Самаре было видимо-невидимо. Взял он меня однажды на рыбалку, разогнал свою тарахтелку до предела и где-то между телецентром и постаментом с самолетом мы вылетели на обочину, наскочили на камень, крепко подлетели, перевернулись. Кончилось все дерьмово: Ерёму отправили прямым ходом в морг, меня же в больницу. Провалился я там пару месяцев. Вышел хромым.

Спустя несколько лет стал я ещё тем красавцем – нос длинный, тонкий, на кончике чуть вздернутый, когда стоял, пальцы рук доставали до колен, к тому же хромоногий. Некоторые девчонки то ли по доброте, то ли из сочувствия говорили, что у меня красивые большие глаза, да и губы что надо. Если честно, я недолго горевал по своей наказистости, очень быстро освоился с хромотой, а на мой нос вообще внимания не обращал. Да и не имело все это особого значения в жизни. Были девчонки, которые охотно встречались со мной и не только встречались.

Моя мать, как мне рассказывал отец, умерла, когда мне исполнилось четыре года. Я её плохо помнил. Отец работал сварщиком, жил с какой-то плюгавой бабенкой, на меня смотрел, как на неизвестно откуда взявшегося пацаненка. Когда мне исполнилось шестнадцать, папаня расстался со своей сожительницей и женился, по настоящему женился, на молоденькой симпатичной аптекарше. У той, как оказалось, были приличные бабки, звали её Любовь Петровна – очень приличная женщина и добрая. Купили они большую трехкомнатную квартиру в только что отстроенном доме в старом районе Самары. Примерно в ту пору я решил завязать свои дела со школой, хотя учился совсем неплохо, не стал препираться с отцом и уехал в Тольятти, куда меня звал Толя Новосельцев, с которым мы учились в одной школе. Он был тремя годами старше и уже как год работал с мужичками в автомастерской. Не то чтоб я был каким-то умельцем по части машин, но кое в чем варил и не жаловался на свои длиннющие лапы.

Не помню точно с какого времени, может быть, даже ещё до школы у меня появились какие-то выверты, правда замечать их я стал много позже. Вряд ли это было связано с моей внешностью, с хромотой – тут были какие-то другие причины. Да и не дразнили меня в школе, случалось что-то на улице или на транспорте, но это не в счет. Драться я не любил, хотя несколько раз влез в это дело. В школе Славка Голубничий поставил мне фингал, я же вышиб ему зуб и крепко саданул ногой ему в брюхо. Мать Славки обратилась в полицию, но ничего не было. Вскоре после этого зимой какой-то хмырь в трамвае протиснулся ко мне с паскудной улыбочкой, взял двумя пальцами меня за кончик носа и вякнул:

– Я подержусь, ты как?

Я ему врезал от души, шапка у него слетела на землю, он прыгнул с подножки, я следом. Этот охломон не успел её надеть, я же с размаху ногой шибанул ему по колену. Мы обменялись ударами, нас разняли. Но все это явная чепуха – мало ли кто дерется, да ещё когда малолетка.

И это никакой не выверт. У меня было другое – очень тянуло сделать какую-нибудь пакость разного рода везунчикам. И совсем не от зависти. Я вообще не завистлив, мне плевать у кого сколько денег, какая у мужика карьера, бегают ли за ним девки. Но, наверно, меня что-то раздражало в тех, кому мне хотелось основательно насолить, прямо-таки скажем нагадить. Когда я учился, был такой парень. Звали его Валя, фамилия, кажется, Нилов. Чем-то он мне не пришелся. То ли тем, что у него все получалось, что был отличником, но были ещё ребята, которые учились лучше этого Нилова, но они меня не раздражали. Правда, Нилов был спортивным, хорошо крутился на турнике, у меня же все это не очень получалось. Но из-за этой ерунды не стоило ему устраивать фотомонтаж. Я же устроил. Нилову очень нравилась одна девчонка из десятого класса, на год старше нас, они встречались. За этой девчонкой ухлестывал её одноклассник, но она предпочитала Вальку. Я решил изготовить фотку, на которой она целуется с каким-то парнем, не обязательно со своим одноклассником. Договорился с одним фотографом, объяснил, что хочу. Мужику этому было примерно столько же лет, сколько покойнику Еремею. Все уяснив, он сказал:

– Я могу сделать фотографию и с её ухажером-одноклассником, но на это потребуется время. И деньги, само собой. Если согласен, покажи мне ту девку и её одноклассника.

Этот фотограф был ещё тем рвачом. Но я нашел деньги и примерно дней через десять он вручил мне фотографию. Я так думаю, что если б та девчонка гуляла со мной и так в засос с кем-то целовалась – и неважно с кем – я б её измордовал. А заодно и того, кто её тискал.

Примерно за пару месяцев до того как я бросил школу меня словно кто-то подтолкнул сделать ещё одну подлянку. В то время я совсем не считал это подлянкой, хотя и понимал, что так не стоило поступать. Но такие дела были мне в кайф. Как-то раз проходя в классе мимо второго стола в среднем ряду я почувствовал сильный запах. Я уже знал, что это за запах, так как полгода назад несколько раз переспал с разведенной молодухой из соседнего подъезда. Та плохо подмывалась и от неё иногда припахивало. Я стеснялся ей об этом сказать, но именно по этой причине перестал к ней ходить. Вот этот самый запах я и учуял, когда проходил в классе мимо второго стола. За ним сидели две подруги, имена их я забыл. Зато до сих пор помню имя Женьки Плетневой. Тихая и совершенно неприметная девчонка. Я с ней ни разу и не разговаривал. Вроде ничем она меня не раздражала. Может что и было в этой Женьке, но что именно не знаю. Как раз ей я и сделал подлянку, рассказав Юрке Санаеву, превеликому болтуну, что Плетнева вообще никогда не подмывается. Чуть ли не на следующий день Женьке стали прохода не давать, звали вонючкой, да ещё похлеще с матерщиной в придачу. По справедливости мне за такие вещи надо было фундаментально морду набить, это я спустя несколько лет осознал, хотя и по сей день от этой гадской привычки наговаривать на людей не отошел. Правда, в отличие от Нилова, о котором я больше ничего не слышал, всплыл один интересный момент. Через года три встретил я своего одноклассника и он рассказал, что эта Женька Плетнева крупно подставила свою подругу и ту выгнали с работы. Тогда я подумал, что Плетнева, скорее всего, была смердючкой, скрытой смердючкой, и я это почувствовал, хотя, может быть, это было и не так.

Наверно, эта аптекарша Люба действительно любила отца. За что, не знаю. Он, конечно, был мужиком в теле, не то что я – видный, высокий, с правильными чертами лица, вроде хорошо работал. Мне стукнуло девятнадцать, в армию меня не взяли из-за сильной хромоты. Отец сказал, что они с Любой будут перебираться в Новосибирск, там открылась фармацевтическая фабрика и его женошке предложили занять на этой фабрике должность начальника производства. Я мог поехать с ними, Люба меня звала, отец же не очень. Все это было как-то странно. Папаня не любил меня. Видимо, имелась у него на то свои причины. Носил я фамилию матери, отцовская фамилия Усков мне не нравилась и, получая паспорт, я предпочел взять фамилию матери Шебеко. Леонтий Шебеко – так звучало представительнее. Вряд ли такое отцу пришлось по вкусу, но он не стал возражать. Тоже было странно. Внешне я совер-

шенно на папаню не был похож, да и на мать не особенно, если судить по тем её фотографиям, которые были у нас в альбоме. Иногда я подумывал, может я вообще какой-то приемный. Если так, то отношение ко мне папани было понятно. Они уехали. Интересно то, что папаня хотел их самарскую квартиру продать, но Люба была против – я её всегда называл Любой, молодая она очень, отец был старше её лет на пятнадцать. Она заявила, что квартиру переписшет на меня. Отец сразу согласился. Это тоже была странность – он же упрямый мужик и к женщинам относился без всякого уважения. Я решил, что тут вопрос в деньгах и он не стал с Любой спорить. И подумал я тогда, что мой Усков настоящий альфонс. Ему нет дела до меня, а если так, то и мне тоже. Он мне не звонил, а Люба позванивала, уезжая, оставила мне пятьдесят тысяч рублей и, стараясь быть строгой, потребовала, чтобы я нашел какую-то работу.

Эта квартира моя находилась в новостройке, просторная, Люба её обставила современной мебелью. Жить в ней одному было как-то не с руки. Приводить туда девчонок не особенно тянуло – я хорошо запомнил ту соседскую непромытую молодуху, запах тот до сих пор окончательно не сошел. Тоже не совсем нормально. Прожил я в городе пару месяцев, проедал и пропивал деньги Любы и подумывал, что мне делать дальше. Устроиться бы в какую-нибудь авторемонтную мастерскую – это дело у меня неплохо получалось. Оказалось совсем не просто найти такую работу и я отправился к Толику Новосельцеву в Тольятти. Тот обрадовался и предложил поработать дальнбойщиком сначала по нашей губернии, а потом и по всей Средней Волге.

– Леонтий, будешь возить всякое, – заявил он, – тут главное, чтоб с накладными был порядок. Мы с приятелями закупили четыре фуры. На одну я тебя пристрою. Заработаешь прилично, через годик купишь вполне приличную новую тачку.

– Какое всякое? – спрашиваю.

– Да какая тебе разница, если с накладными порядок.

Надо сказать, что уже в то время я не очень-то доверял людям, хотя меня никто ни разу не обманывал. Я и Толику не вполне верил, даже зная его надежность. Мне было непонятно, на какие шиши он с приятелями обзавелся собственным автопарком. Я помнил, что в своей мастерской он не очень-то большие бабки зарабатывал. Сейчас кругом сплошь мухруют, всех можно купить от дорожно-постовой службы до губернского прокурора и выше. Влезать же в уголовщину было не к чему. Я решил выяснить, куда ездить и что возить.

Только знал мой упертый нрав и не стал упорствовать.

– Возить мебель, тушки говяжьи, кровельное железо – да что придется. В накладных все будет указано – кто поставщик, кто заказчик. Хочешь конкретнее куда? Димитровоград, Безенчук, Рузаевка, Нижний, Саратовская губерния.

Усмехнувшись, добавил:

– Никакой наркоты нет и сивухи тоже.

В целом все пошло неплохо, за мной закрепили вполне пристойный КАМАЗ, хотя и не первой свежести; мужик, который распоряжался грузовыми перевозками, указывал маршрут, примерное время возвращения, вручал заявку с именем заказчика. Куда именно надо было везти груз и всю документацию я должен был получать от заказчика. Месяца полтора никаких проблем не было, за это время мне начислили два аванса и полную зарплату – жить на эти деньги можно было вполне неплохо, оплачивать комнатенку, которую я снял поблизости от стоянки наших грузовиков, к деньгам Любы и прикасаться не надо было. С Толиком мы перезванивались почти ежедневно, из разговоров с ним я понял, что он крепко повязан всякими полутемными делишками, имеет своих людей в полиции и его авторемонтный бизнес вместе с транспортировкой всякого рода изделий по вызовам будет расширяться и если он не загремит, то через лет пять станет очень состоятельным мужиком. Но во всем этом было

немало неясного и касалась неясность эта меня самого. Мы дружили в школе, ни разу не ссорились, ценили друг в друге надежность, знали, что оба не болтуны и слово держать умеем. В отличии от меня у Новосельцева дружков было не перечесть, он рано стал интересоваться денежными делами, уже в школе законтачил с какими-то делягами много старше себя. И когда он меня позвал в тольяттинскую автомастерскую, я подумал, на какой ляд я ему сдался, а уж на эти дела с перевозками вообще непонятно. Из доброты что ли, знал, что у меня с бабками не очень-то, но это едва ли. Во всяком случае, после школы мы редко виделись, Толик мне первый позвонил. Я допускал, что Новосельцев готовился меня в чем-то использовать. Однако ни во время моей работы в автомастерской, ни в поездках по городам нашей губернии и на выездах в другие области ничего подозрительного не было.

Как-то раз мы обедали со Славкой Поповым. Обычная столовка в Тольятти. За соседним столиком сидел майор полиции Николай Панин, добродушный мужик, немного хвастливый, говорил, что в скором времени ему нацепят ещё одну звездочку на погоны. Он рассказывал о собственных успехах своему приятелю. Лично я ничего плохого в нем не замечал – мент как мент. Славик таксист, говорил о своих планах съездить на следующее лето в Черногорию. Пока он это говорил, я спросил, правда ли, что на шоссе в пяти километрах от Димитровграда два сержанта из ДПС устроили по собственному почину патруль и снимают с проезжих водителей с грузами громадные бабки, ссылаясь на то, что у шоферов фальшивые накладные – Попов несколько дней назад мне об этом сам говорил. Он громко вякнул:

– Да ты как новорожденный. Все менты так поступают.

Такое я знал и без него, но, несмотря на это, во весь голос заявил:

– Это на центральной трассе в двух шагах от Димитровграда сержантики снимают такой навар? Трудно поверить.

Имел ли я что-то против этого майора? Да ничего не имел, хотя прекрасно знал, что все менты берут жирные куски с водителей. Но говорил я все это громко, чтоб Панин услышал. И он наверняка это слышал. Двух недель после этого разговора не прошло, как Попов при встрече мне поведал, что Панина застукали именно на том самом месте, устроили разборку, понизили в звании. Уже спустя некоторое время мне стало известно, что те сержантики работали под крылышком районного начальства, львиную часть они отдавали какому-то полковнику и этот самый полковник устроил хорошую жизнь простачку Панину за то, что тот влез на чужую территорию. Я подумал, что это подстроил сам Попов – решил он за что-то отомстить Панину, но сделать это через меня. Однако это лишь предположение – я просто не мог найти никаких других причин. Так или не так, но одно было ясно – меня тянуло сделать этому самодовольному удачливому майору какую-нибудь пакость. Мое школьное паскудство за эти годы никуда не ушло – я же специально говорил громко и допускал, что Панин клюнет, отправится на димитровградскую трассу и, может быть, там его свои же питекантропы в погонах и застукают. Я читал о таких случаях. Попов наверняка все это подстроил. Во всех этих делах, как я уже давно понял, главное было бросить что-то вонючее в подходящую почву. Само собой, когда я все это говорил о сержантиках, ничего такого о Попове я не думал, спустя лишь какое-то время ко мне приходит что-то похожее на ясность.

Я решил со своими транспортными перевозками в Тольятти завязать, наскучила такая работенка и я впрямую сказал об этом Новосельцеву. И Толик опять меня удивил, стал уговаривать не возвращаться в Самару. Главный довод более чем убедительный – здесь, мол, у меня надежный заработок, я на хорошем счету, а образования у меня нет никакого, куда ехать-то. Прав он был, конечно, но почему он так заинтересован в моем здешнем пребывании? За то время, что я проторчал в Тольятти, я Толика лучше узнал и без всякой трепотни о нем от его подчиненных и приятелей – во всяком случае, Новосельцев считал их приятелями. Говорили, что он подхалим, мухравать по всякому любит и, если потребуется, не моргнув глазом, любого подставит. Лично я ничего от Толика дурного не имел, но то, что он был стяжатель и плут это

было заметно, уже в школе такое за ним было. Некоторое время я задавался вопросом, какой резон ему приглашать меня на работу в Тольятти. Никаким мастером я не был ни как ремонтник, ни как водитель. Какой навар Новосельцев мог снимать с меня? Я так этого и не понял.

Вернулся в свою просторную квартиру в новостройке на Некрасовской, в ту самую, что мне Люба оставила. С неделю я шатался по городу, никакой работы не искал, пару раз сходил в кино, по совету Любы записался в библиотеку, взял несколько книг. В школе читал я мало и был уверен, что эти библиотечные книжки навряд ли прочту. Но оказалось не так, мне попались интересные истории из жизни охотников на севере, а также о жизни одного путешественника среди дикарей где-то на островах в Тихом океане. Делать мне было нечего, да и никуда не тянуло, я и налег на чтение.

В тот день начались какие-то странные дела. Утром я зашел в закусочную, взял кофе, бутерброды. Жевал, пил и размышлял, чем все-таки заняться. Я не думал, что деньгам Любы скоро придет конец и мне придется подыскать где-то работенку, думал совсем о другом – как избавиться от скуки. Ничего неделание похуже, чем самая дерьмовая работа. Мне звонил Новосельцев, но в Тольятти ехать не хотелось. Можно было поискать какое-нибудь дело в автомастерских, зайти в автопарки, но так с наскока никто не возьмет – нужно знакомство, протекция.

Я уже допивал свое кофе, как к моему столику подошел парень, присел на стул. На плече у него была сумка с компьютером.

– Извини, земляк, сотенную не подкинешь? Послезавтра отдам, меня зовут Сергей Нелидов, я оставлю тебе номер своего мобильного и адрес.

И этот Серега протянул мне руку. Машинально я протянул свою. Занятная штука получилась: совершенно незнакомый хмырь просит одолжить деньги на пару дней, называет себя, для убедительности готов дать свой адрес. На хмыря и случайного шмокодявника он явно не смахивал, выглядел Сергей Нелидов вполне культурно, да и просил-то он ерунду какую-то. Наверняка никто не купился бы на его слова, я же решил сделать так, как не сделал бы никто – так, из любопытства. Он взял сотенную, внимательно посмотрел на меня.

– Спасибо. Послезавтра на этом же месте, в это же время. Как зовут-то?

Я назвался.

Около семи вечера того же дня я выходил из подъезда своего дома, когда прямо передо мной возник пожилой мужик. Седой, с тяжелыми мешками под глазами, немного сутулый.

– Твоя фамилия Шебеко? Леонтий? По отчеству Дмитриевич? Так?

Все так, кроме отчества. По паспорту я был Васильевич. Я взял фамилию матери, но отчество-то было отцовское. Но кто этот старикан и откуда ему известна моя фамилия?

– Кто вы и откуда у вас такие данные?

– Зовут меня Николай Степанович Разин, живу в Самаре с рождения, знаю тут многих – и тех, кто здесь жил когда-то, и тех, кто ныне проживает. Знаком я был и с твоей матерью Ксенией Иннокентьевной Шебеко – женщиной красивой, умницей, характера крутого. Отца твоего родного никогда не видел – заезжий он, не самарский. Васька Усков – хлыщ, пустомеля, охотник до чужого добра – не отец он тебе. Дома у меня имеется что-то вроде архива, есть там и фотографии твоего деда. На одной он снят вместе с дочкой Ксенией, мамой твоей. Приходи, Леонтий, посмотришь. Живу я со своей старухой на Буяновской 22. Приходи в любое время – я домосед.

Хотел я спросить, на кой ляд он мне все это говорит. Мать я совсем не помнил, а что до папани, тут и помнить нечего. Понятно, почему он ко мне так относился. Люба, конечно, знала, что он мне не родной, жалела меня – отсюда и квартира, и деньги. Но Николаю Степановичу какое дело до всего этого? Может с матерью как-то был связан и мне кое-что порассказать хотел. Ничего я ему не сказал, буркнул, что может как-нибудь загляну.

Я не верил, что тот парень, взявший у меня займы сотню, снова явится в то самое кафе в указанное им самим время. На всякий случай я пришел туда. Вот чудеса! Он уже ждал меня. Кажется, его Сергей зовут. Протянул он мне сотню и ещё раз поблагодарил. Спросил, есть ли у меня компьютер. Я сказал, что не имею представления, что это такое.

– Лёня, но это же глупо. С компом совсем другая жизнь. Я программист и знаю всю эту кухню от и до. У меня есть совершенно новый лэптоп – мне он не нужен, возьми. Хочешь, дам тебе несколько уроков компьютерной грамотности, потом сам мне спасибо скажешь.

Я усмехнулся.

– И сколько ты с меня за все это снимешь?

– Нисколько.

Смотрел он на меня в упор. Помолчал, затем заявил:

– Ни один первый встречный не дал мне бы сотню вот так, как ты это сделал. Знаешь ли, это дорогого стоит. Беру пример с тебя – платить ничего не надо. Договорились?

Я ничего не ответил, Сергей же вырвал из записной книжки листок, записал свой адрес, телефон.

– Надумаешь – приходи.

Деньги Любы подходили к концу, уже третий месяц я нигде не работал. Читал, иногда ходил на дискотеку, но все эти тряски под музыкальный грохот меня все-таки мало развлекали. Надо подыскивать какое-нибудь дело. Несколько раз я заглядывал в автомастерские, гаражи. В какой-то авторемонтной шарашке меня спросили, какое у меня образование. Сказать, что никакого, что я автослесарь-практик? Обозвали бы полудурком и весь разговор.

И все-таки мне удалось что-то выходить. В одном из гаражей, куда я заглянул, трое мужичков устроили ремонтную мастерскую. Я предложил свои услуги, сказал, что некоторое время работал автослесарем в Тольятти. Может они и отмахнулись бы от меня, но кто-то из этих работяг приболел. Там в тот день были в ремонте две иномарки. Я включился, сменил два фильтра, отрегулировал сходжение колес, сменил тормозные колодки. С потрепанным «рено» пришлось повозиться, там была основательно покалечена вся механика и надо было менять передние двери. В один день мы не управились, мне предложили остаться в их шарашке на постоянку. Денег там было немного, но выбирать не приходилось.

Гараж этот располагался на Чкаловской, недалеко от Буяновской и однажды после работы я решил забежать к Николаю Степановичу Разину. От любопытства, я думаю, говорил он, что с матерью моей был знаком, да и приглашал он похоже от души.

Я даже не ожидал такого приема. Варвара Семеновна, супруга Николая Степановича, тут же усадила меня за стол, чай, варенье, всякие печености появились тут же. Мне и говорить-то ничего не пришлось – они оба стали рассказывать мне о моей матери, какая она красавица была, какая умная и как меня любила. Варвара Семеновна все время покачивала головой и говорила, как я здорово похож на деда Дмитрия, отца матери.

– Она ж, Ксюша, очень хотела дать тебе отчество по своему отцу, но не получилось.

Варвара Семеновна как-то сразу остановилась, быстро взглянула на супруга. Похоже было, что она собиралась что-то ещё добавить, но передумала, не зная, как Николай Степанович к этому отнесется. Тот же, отодвинув от себя чашку, сказал:

– Покажу я тебе, Леонтий, фотографии и кое-какие бумаги о наших прошлых самарских делах. Может тебя что-то и заинтересует.

У этого Николая Степановича было до черта всяких папок одна толще другой. Были и старые фотографии. Когда я увидел фотографию своего деда и моей матери, то прямо-таки остолбенел. Да, мать моя была красива, даже очень. Но две её фотографии в молодости я уже

видел и тут особенно удивляться было нечему. Но вот дед – я был похож на него один к одному: тот же нос, какой-то хищный, на кончике чуть вздернутый, по габаритам в чем-то уstraшенный. Удлиненный овал лица тоже от деда. Мой фас смягчался лишь глазами и мягким подбородком – это, конечно от маменьки и на фотографиях все это явно проступало.

– Послушайте, Николай Степанович, разве такое может быть, чтобы сын был настолько в деда? Как выглядел мой настоящий батя?

– Да не знаю я. Я этого заезжего молодца не видел – я же говорил тебе. А то, что внук очень похож на своего деда – такое часто случается.

Впечатление было настолько сильным, что я как-то не сразу стал просматривать эти самые папки, которые Николай Степанович охотно разложил передо мной. Надо сказать, что бумаги, которые хранились в этих папках, были какие-то странные и, пожалуй, недобрые. Множество фамилий, некоторые знакомые – это были самарские революционеры, в честь которых назвали многие улицы Самары, которая не так давно именовалась Куйбышевым. Об этом Куйбышеве Валерьяне тоже было что-то написано. Но с этим человеком ничего особенного не произошло и я не стал читать некоторые подробности его биографии. Интересно здесь было то, что многие самарские революционеры после захвата власти большевиками через короткое время изгонялись со своих высоких постов – кто куда: одних в ссылку или в тюрьму, другим давали расстрельную статью. Обвиняли черт знает в чем. И этих, в недалеком прошлом, вроде бы, верных новым идеям людей, в короткое время превращали в злейших врагов. Какая-то рабочая оппозиция, какая-то анкета, не подходящая в классовом отношении. Стреляли людей, как зайцев. На Сенной было убито до двадцати замаскированных врагов.

– Что за улица Сенная, Николай Степанович?

– Та самая, дружок, где мы сейчас с тобой. Потом ее переименовали в память Сашки Буянова – о нем я ничего не знаю, помер он рано.

– Это что, Самаре только так досталось от новой власти?

Николай Степанович невесело хмыкнул.

– Если б! Эта чума по всей стране людей гробила. И не один десяток лет.

– И кому это надо было?

– Были такие.

Кто это такие Николай Степанович углубляться не стал. Меня же в общем-то это и не очень интересовало. Если и был интерес, то скорее к делам своего деда. Он же в те годы молодой был.

– Как полное имя моего деда?

– Дмитрий Дмитриевич Шебеко. Он работал в двадцатые годы в губернском совете, выезжал в сельскую местность, следил за своевременной сдачей зерна, сотрудничал, между прочим, и с особистами. Тогда служба эта называлась ОГПУ.

В тот вечер я у Николая Степановича и Варвары Семеновны просидел допоздна – увлекся всеми этими бумагами. Как-то не укладывалось, что все это было на самом деле. Сказал не то – отсидка, не с тем сдружился – могут вызвать на производственное собрание, а то и вообще замести. Некоторые бумаги были с печатями разных учреждений, имелись также протоколы заводских производственных собраний обличительно – ругательного содержания, иногда чуть ли до мата не доходило, когда обличали какую-нибудь контру.

Забегал я к Разиным несколько раз, после работы, само собой. Один раз полюбопытствовал, отчего это Николай Степанович все это собирает и, главным образом, чернуху. Тот долго молчал. Я думал он так и промолчит, ничего не скажет. Нет, сказал.

– Вся штука в том, друг Леонтий, что не я начал все это собирать, да и большая часть собранного, включая снимки городских кварталов, не мною делались. Все это работа деда твоего. Характер у него был забористый, косточки он любил кое-кому посчитать и совсем не по злобе или зависти, а так – для душевного интереса. Он мне рассказывал, что когда нагрязнули

белочехи, его чуть самого не шлепнули. Обошлось. Дмитрий говорил, что не к кому лично никакой обиды не имеет, но кое-кого он сам грабанул и при этом не уставал твердить, что сделал он это для порядка и ничего личного в том не было.

Слушая все это, я диву давался. Во-первых, потому что Николай Степанович рассказывал об этом спокойненько, как будто речь шла о сборе огурцов, а не о человеческой жизни. Во-вторых же, возникал вопрос, был ли мой дед нормальным, если он всякую подлость вместе со смертоубийством творил для душевного интереса. Потом, спустя некоторое время, мне припомнились кое-что из сказанного Николаем Степановичем, в особенности эти слова о душевном интересе деда. Выходило, что тот делал всякую пакость, а то и подлость так, можно сказать потехи ради. И тут же я подумал о своих вывертах. Ведь у меня-то то же самое случилось. Неужто я унаследовал такую вонючую фиговину?

Я заходил к Разиным раз или два в неделю. Спрашивал о матери, о ее профессии. По словам Николая Степановича она была экономистом, училась сначала в местном плановом институте, а потом, переехав в Москву, закончила институт народного хозяйства имени Плеханова. Какие-то подробности о её личной жизни ни Николай Степанович, ни Варвара Семеновна мне по сути ничего не рассказывали. Даже не объяснили, от чего она умерла. Я чувствовал, что они оба многое утаивали от меня – почему было непонятно.

По воскресеньям ко мне приходил Серега Нелидов со своим лэптопом, давал мне уроки компьютерной грамотности. Удивлялся, как я быстро все схватываю. Я и сам удивлялся, потому что особенными способностями не отличался. Серега подарил мне новенький ноутбук, деньги брать отказался.

Если присмотреться, то в моей жизни за последний месяц-полтора накапливалось много неясностей. И с этим Нелидовым – непонятно, откуда он взялся, с Разиными и их нежеланием мне рассказывать подробности личной жизни матери. И в довершении всего ещё один случай.

Однажды, выходя из дома Николая Степановича, я увидел молодую женщину с объемистой сумой. Завидев меня, она попросила помочь донести ей этот баул до вокзала. Поначалу я не увидел в этой просьбе ничего особенного. Красивая пышноволосяя бабенка, с выразительным бюстом. Мне поначалу и в голову не пришло, что она гулящая. Я поймал машину и сказал водителю, чтобы он подбросил нас на железнодорожный вокзал. По дороге она стала говорить, что приезжала к брату, брат же забрал у неё все деньги и теперь у неё не хватит денег даже на билет до Тольятти. Спросила, не смогу ли я одолжить ей хотя бы пять тысяч. У меня с собой было несколько сотен, чтобы заплатить таксисту. Я согласился, понял, что бабенка эта настоящая шлюха. Надо было заехать домой, дать ей несколько тысконок и, пожалуй, трахнуть её. В те минуты в моей башке ничего другого не было.

С ней не стоило церемониться. Но как только мои руки скользнули под её трусы, я почувствовал, что ее зад весь в каких-то бугорках и рытвинах. Мною овладело чувство отвращения, в желудке пошли противные сокращения, похожие на приближение рвоты. Пахнуло омерзительным запахом той соседской молодухи, хотя от этой стервы ничем таким не пахло. Сходу я ляпнул:

– Послушай, подруга, по твоему заднему бюсту ненароком трактор не проезжал?

Она рывком отдернула платье и понесла на меня таким площадным матом, который я и среди тольяттинской шоферни не слышал. Не забыла при этом о моем носе, которым, по её словам, лучше всего рыться в говне. Вылетела из квартиры, даже не прихватив свою тяжеленную суму. Заглянул я в этот баул – чего там только не было наложено: грязные мокрые тряпки, поношенные дырявые сапоги и одна трехлитровая банка, наполненная какой-то жидкостью, возможно, просто водой. Было совершенно ясно, что это сермяжная блядуха специально набила суму всяким дерьмом для веса. Было также ясно, что она меня ждала недалеко

от дома Разиных. Кто-то ей подсказал, что с меня можно снять какие-то деньги. Но кто? За мною следят? Я же никакой не толстосум, но кто-то думает иначе.

Не сразу я пришел к этой мысли и вовсе не был уверен, что это правильная догадка. Эта бабенка упомянула, что едет в Тольятти. А что если Толька Новосельцев решил мне её подбросить? У него среди знакомых полно всякого мусора, есть и продажные девки. И тут сплошнякам нахлынули всякие мыслишки о том, почему Новосельцев настырно звал меня к себе, не хотел, чтоб я уезжал, дал мне возможность прилично зарабатывать. У него был какой-то интерес, какой я не знал, но он был. С ним надо было поговорить. Я стал ему звонить. Сначала на личный мобильник Толика, потом в его транспортную контору. Дозвонился лишь на следующий день в контору. Сказали, что Новосельцев уехал пару дней назад, поинтересовались, кто спрашивает. Я не стал называть себя и отключился.

От всего того, что я начитался у Разиных, от разговоров с ними – мне казалось, что они оба как-то осторожничают и чего-то не договаривали – я стал плохо спать, да и стало сниться всякое. Снился мой дед и снился прямо скажем препаскудно. Пошли картинки старой Самары: Троицкий рынок, мужички с топорами и пилами у подвалов напротив входа в рынок, телеги, грохочущие по булыжной мостовой. У Николая Степановича в его пухлых папках было много фотографий и некоторые крепко засели в памяти. Однажды среди ночи я проснулся, вскочил с кровати, подошел к окну. Фонари освещали темную улицу. Некрасовская была вся в асфальте, мне же снилось, как по здоровенным булыжникам гремит телега и проезжает именно где-то в этих местах, а в ней мой крупноносый дед. Извозчик подстегивает лошаденку – они едут к Волге за дровами. Я даже вспомнил оклик какого-то человека:

«– Дмитрий, куда едешь-то? Опять за дровишками?»

Ответа не было, но появилась довольно пошлая картинка. Дмитрий, то есть мой дед, сидит в каком-то помещении, напротив женщина, его рука шарит ей под платьем. Женский голос, похоже дрожащий, произносит:

«– Перестаньте, прошу вас. Дмитрий Дмитриевич, ради бога.

Этот поганый Дмитрий Дмитриевич продолжал гладить ногу женщины и приговаривал:

«– Михаловна, не бойся ты меня. Если тебе мало дров, ещё доставлю. У тебя в квартире всегда тепло будет.

Снились картинки ещё гнуснее. Откуда такое вообще бралось, в бумагах Николая Степановича такого не было, но, наверно, что-то было. Там были циркуляры из заседания самарского совета и всякие резолюции по персональным делам. Приводились случаи арестов за контрреволюционную деятельность. Один раз был упомянут некто Савва Любишин, железнодорожник, работавший в депо, успешно выступивший на закрытом партсобрании самарского губернского комитета. Этот Любишин быстро продвинулся, избирался делегатом партсъезда, а в 30-е годы вообще переехал в Москву. На одном из пожелтевших листов я прочел слова деда в разговоре со своим приятелем из работников-особистов:

– У Савки была аморалка с одной бабенкой, да ещё он подставил своего приятеля Генку Зотова. В Москве должны знать об этом. Я уверен, что это мурло паровозное скрытая контра. Надо ему муду подрезать.

Я поинтересовался у Николая Степановича, о Любишине ли говорил дед или о ком-то другом. Тот пожал плечами и сказал, что точно это ему неизвестно. То, что он и Варвара Семеновна о многом мне не хотели рассказывать меня раздражало. Если это все какая-то тайна, то какого хрена они мне показывали весь этот архив.

Из всего прочитанного в бумагах Николая Степановича я вывел два важных момента. Во-первых то, что дед мой был порядочной скотиной и здорово любил гадить людям. Похоже я в него и началось это у меня ещё со школы. Второе же состояло в том, что этот Николай Степанович имел какой-то интерес мне показывать все эти затхлые бумажки. Я спросил у него

об этом, он же заявил, что просто хотел, чтобы я знал о прошлом своего города, о своем деде и своей матери. Но о матери, положим, я ничего толком и не узнал – ни сам Разин о ней мне почти ничего не рассказывал, ни в его бумагах ничего о ней не сообщалось. В целом в этом Николае Степановиче была какая-то мути и я вскоре перестал к нему заходить.

Если говорить о мути, то этого добра подвалило у меня предостаточно. Не только семейство Разиных с их непонятным желанием познакомить меня с жизнью деда, самарским прошлым. С чего вдруг-то? Кто-то же их надоумил на это. Затем Толик Новосельцев. Я ему еще раз звонил, примерно через месяц после той встречи со шлюхой у дома Разиных. Говорил он как-то неуверенно, словно боялся чего-то. На мой вопрос, не он ли эту стойловую кобылицу пригнал в Самару, Толик промямлил, что хотел сделать мне приятное.

– Придурок ты, Толяма! Что, эта сука отслеживала, где я бываю? Услугами проституток я не пользуюсь. Не путай меня с собой Тебя кто-нибудь подбивал на такие дела? Я говорю о приглашениях в твою автомастерскую, о развозках товаров.

Новосельцев долго отмалчивался. Через минуту неохотно вякнул:

– Звонили, просили, чтобы я пристроил тебя на какую-нибудь работу. Ну я и.

– Что, так за здорово живешь?

– Нет-. Голос Новосельцева чуть увял. – Кое-что дали.

– Жалко, что по шее тебе не дали. Кто звонил-то?

– Не знаю, честно не знаю. Но ты, Лёня, не обижайся. Я же хотел как лучше.

Я выругался и отключился. Похоже, что тут дело не только в бабках – Толик крепко струсил. И кто же его напугал?

Очень непонятные дела были и с Серегой Нелидовым. Компьютер я осваивал успешно, денег за эти услуги он брать не желал, на мои вопросы, чего ради он тратит столько времени на меня отвечал, что по своей природе педагог и любит просвещать людей, особенно понятливых. Как-то раз Нелидов заявил:

– Я сейчас тебя познакомлю с работой разнопрофильных компаний.

Нужно отдать должное Сереге Нелидову – варил он крепко. Он стал демонстрировать мне на компьютерном экране разные производственные, строительные, коммерческие компании, объяснять их возможности, уровень капитала каждой, их филиалы и даже выходы некоторых компаний на иностранный рынок. Далее Серега поведал о работе руководителей этих компаний, об акциях и их значении в современном хозяйстве. Заговорил он также о конкурентной борьбе между различными бизнес-группами, о захватах одних другими.

– Сильный всегда прав. Некоторые доброхоты считают, что слабым нужно оказывать поддержку; если слабые задолжали, то надо им помочь, ссудить некоторые суммы. Ты, Леонтий, как бы поступил?

Вопрос Нелидова мог быть провокационным: он мог вполне допустить, что я стал бы помогать слабакам – я же, впервые увидев его, сходу дал ему сотню. Вопрос свой Серега мог подбросить и с другой целью, а именно: узнать, как поведут себя состоятельные дельцы на конкурентном поле и согласен ли я с их тактикой. Я сказал:

– То, что сильный всегда прав это фигня. То, что сильный, как правило, плюёт на слабого, тут и разговаривать не о чем. Но это вовсе не значит, что он, этот сильный, всегда прав. Если бы у меня был свой бизнес, то помогать слабакам я бы не стал. Сделал бы наоборот: скупил бы все долги должников и их кооператив накрылся бы медным тазом и стал бы моим. Но из этого вовсе не следует, что я был бы прав. В данном случае, я поступил бы как обычная коммерческая гнида. Все известные миллиардеры делают именно так.

Нелидов внимательно посмотрел на меня, но ничего не сказал. Уроки же наши продолжались.

В тот день я закончил работу рано, сказал нашему старшему, что возьму одну из машин, бывшую в ремонте, и прокачусь по магазинам – я давно собирался купить себе что-нибудь из шмаття. В мастерской мы нередко брали тачки нашей клиентуры и гоняли их по своим нуждам. Я особенно не выбирал, купил джинсовую пару, какие-то новомодные кроссовки и уже собирался уехать, как в детском отделе заметил мальчика лет одиннадцати. Тот во все глаза разглядывал подростковый велосипед, смотрел неотрывно и с неуёмной страстью. Ясно, что для этого симпатичного пацана это был предел мечты. Я подошел к нему.

– Как зовут тебя, молодой человек?

Он поднял голову – действительно симпатичный мальчуган, глаза светло-серые, волосы темно-русые с легкой кудрявенькой. Вроде серьезный и толковый.

– Саша.

– Хорош велик? Давай купим?

Он отрицательно качнул головой.

– Нет. Я же вас не знаю.

– Только и всего-то! Так познакомимся. Меня зовут Леонтий Дмитриевич. Через пять минут велик твой. Хорошо, Саша?

– Нет.

Он снова покачал головой и негромко добавил:

– Мама рассердится.

Я собирался было возразить, отчего это мама должна была рассердиться, как услышал:

– Что тут происходит?

Молодая женщина появилась откуда-то сбоку и вперила в меня вопрошающе – подозрительный взгляд. Наверняка мать, хотя Саша не очень был похож на неё.

– Хотел я подарить вашему сыну приглянувшийся ему велосипед. Надеюсь, вы не будете сердиться на мальчика?

Женщина решительно взяла Сашу за руку и, не взглянув на меня, поспешила уйти.

Возможно к вечеру я уже и забыл бы об этом эпизоде, если б на своем мобильнике не обнаружил эсемежку неизвестно кем присланную. Вообще-то я таких посланий почти не получаю. Раз мне прислала писульку какая-то девчонка, с которой я встречался не очень долго, Новосельцев в Тольятти что-то передавал, да ещё Нелидов неизвестно зачем решил сообщить, что на пару недель уезжает в Москву. В той эсемеске значилось:»Саша Волин, мать Анастасия, проживают на Галактионовской 37, кв 5»

Итак, за мной кто-то следит. Чего ради? Уж тут явно обошлось без Толямы Новосельцева. А зачем мне знать, где живет этот Саша и его строгая мамаша? Весь вечер я пытался в этом разобраться, но так и не разобрался. И лишь через день в голову пришла престранная мыслишка: а что если те, кто отслеживали меня и наблюдали за мной и Сашей вообразили, что я непременно захочу снова увидеть этого мальчугана. Откровенно говоря, я должен был признаться сам себе: не то, чтобы я так хотел увидеть Сашу, сколько насолить его мамаше и купить ее сыну велосипед. Я так и сделал. Велосипед же доставил по указанному в эсемеске адресу и оставил привязанному к рулю записку с одной фразой «Саше, с наилучшими пожеланиями. Леонтий Дмитриевич».

Жора Свиридов, с которым мы вместе работали, предложил приобрести по дешевке французскую малолитражку «клио». Мы только что её починили, подкрасили, отроду ей было около двух лет – хозяин уезжал, видимо, был при деньгах и запрашивал совсем немного.

– Ты ж один живешь, машинка маленькая, фирменная, болячек нету – ты же сам проверял всю механику. Если не хватает бабок, могу ссудить. По такой цене вряд ли хорошую тачку достанешь.

Особого желания иметь свой автомобиль у меня не было, но, поразмыслив и придя к выводу, что с этой «КЛИО» будет веселей, я решил обзавестись своим транспортом. Деньги, конечно, пришлось одалживать, но не у Свиридова. Мне пришло на ум занять десять тысяч у Разиных Подумал: если Николай Степанович откажет, неважно под каким предлогом, значит он законченный жлоб и весь его архив тоже жлобский. Но он не отказал, даже больше того не спросил, когда я эти деньги отдам. Выходит, он действительно ко мне относиться с симпатией и помнит мою мать.

Все свободное от работы время я стал разъезжать на своей малютке – все в ней было отрегулировано без сучка и задоринки. По-хорошему Жорку Свиридова надо было благодарить.

Я почти забыл о том случае с подаренным Саше велосипедом, фамилию его точно забыл, но тот помнил меня и как-то раз, проезжая по Молодогвардейской, я услышал, как кто-то кликает меня по имени отчеству. Остановился.

Саша стоял на тротуаре с каким-то мальцом и махал мне рукой. Я вылез из машины и подошел к нему.

– Как дела, Сашок? Мама сердилась за велик?

– Не, не очень. Сказала лишь, что вы хоть и молодой, но нахрапистый.

Саша рассмеялся, я тоже.

– Катаешься?

– Сейчас нет. Продырявилась резина на заднем колесе и руль погнулся.

Приятель Саши сердито заметил:

– Да тут не только колесо и руль – скоро весь велик покурочают. Сашка всем дает кататься.

– Ты бы не давал?

На мой вопрос Сашин друг решил не отвечать.

– Послушай, Александр. Сделаем так. Ты мне сейчас отдашь свой велосипед, а завтра к вечеру примерно в то же время я тебе его доставлю в целости и сохранности.

Когда на следующий день я привез починенный велик, мать Саши с усмешкой сказала:

– А вы, Леонтий Дмитриевич, последовательны в своих делах. Скажите, сколько вам лет?

– Двадцать семь.

– Да? Я думала еще меньше. Ладно, спасибо за подарок.

Я уже направился к двери, попрощался с Сашей, обернулся.

– А как вас зовут?

– Анастасия Юрьевна. Можно просто Настя. Я назвала вас по отчеству, потому что вы так представились. Всего доброго, Леонтий.

Я не думал, что мы с Сашей и его матерью ещё раз встретимся. Но вышло по-другому. Это было в воскресенье, накануне первого мая. По Куйбышевской валила большая толпа школьников, видимо, они шли на экскурсию со своей учительницей. Среди них был Саша, мы почти одновременно заметили друг друга. Я спросил, как у него дела. Он сказал, что у него все в лучшем виде, потом спросил, люблю ли я футбол. Я сказал, что не очень.

– А я очень. Пойдете со мной на футбол? Мама меня одного не отпустит.

– А ты, Саша, уверен, что со мной отпустит?

– Не знаю, может быть отпустит.

– Хорошо, пойдем. Но футбол – это развлечение для узколобых, а ты, Сашок, парень толковый, с головой. Лучше бы в театр. Да и публика там другая, более продвинутая. Скажем, в ТЮЗ. Как ты?

Саша внимательно посмотрел на меня, подумал и сказал:

– Я согласен, но сначала на футбол, а потом пойдем в ТЮЗ.

Саша так хорошо, как-то светло улыбался. Я кивнул.

– Леонтий Дмитриевич, дайте номер вашего телефона. Я вам позвоню. Хорошо?

– О чем речь, Сашенька! Только не на чем мне записать номер.

– Да я запомню.

Надо сказать, что Саша на меня производил сильное впечатление, весь тот день я думал только о нем.

Мы побывали на футболе, Саша позвонил через несколько дней и мы пошли в театр. Пришла и мамаша. Настя. Она была какой-то размягченной, доброжелательной.

Этот поход в театр оказался для меня знаковым. В антракте Саша стал говорить о кинофильмах, которые ему нравились, сказал, что кино он больше любит, чем театр, и даже больше, чем футбол. В ответ же я сказал, что можно сделать так, что у него дома будут все фильмы, которые он любит.

– Можно, конечно, если есть компьютер.

– Так купим комп, Сашок.

Как я ожидал, Настя стала возражать, но я решил это дело дожать до конца. Купил ноутбук, Серега Нелидов его инсталлировал, я же показал Саше, как легко можно скачать любой фильм.

Вплоть до начала июня мы регулярно встречались с Сашей, я усиленно стал читать и интересоваться всем тем, чем увлекался Саша. Это нас здорово сблизило. Нравилось ли все это Насте было неясно. Она постоянно подварчивала, говорила, что я много трачу денег, что компьютер отвлекает Сашу от уроков. Я как-то спросил Сашу, как у него дела в школе. Все хорошо, говорит. Вроде так и было и Настя не отрицала. Но почему же она была недовольна?

Она позвонила неожиданно и в первый раз, спросила, смогу ли я Сашу отвезти в летний лагерь. Понятно, что я тут же согласился.

Мы возвращались обратно в полдень. Кажется это был восемнадцатый километр, проехали будку гаишников, справа и слева раскинулись зеленые рощицы. Настя попросила остановиться. Повернулась ко мне.

– Тебе не надо?

Вроде речь шла о малой нужде. Но глядя, как она медленно удалялась в чашу, я понял, что Настя имела ввиду совсем не это. Она шла очень медленно, как будто выжидая. Но мне совсем не хотелось с ней трахаться. Сам не знаю почему: и лицом, и фигурой Настя вполне подходила для такого рода дел. Живет без мужа, надо думать мужик ей нужен, но в ее лице было что-то неприятное, недоброе. То, что ко мне Настя относилась с явной злинкой это чувствовалось. Впрочем, может я преувеличивал и все было не так, но по взглядам ее на меня было именно так.

Она вернулась минут через пятнадцать. Неужто ждала, что приду?

Всю обратную дорогу мы почти не разговаривали, да и в лагерь когда ехали я говорил по большей части с Сашей. Я подвез Настю к дому, она поблагодарила меня и, не оборачиваясь, быстро исчезла в подъезде.

Я был почти уверен, что больше эту женщину не увижу. Но я опять ошибся – Настя мне позвонила через несколько дней после той лагерной поездки. Сказала, что у неё проблема, она боится возвращаться домой, около работы ей поджидает парень, который давно не дает ей прохода.

– Понимаешь, Леонтий, он очень настырный. Не мог ли ты встретить меня у подъезда нотариальной конторы на Гагарина. Я работаю там, заканчиваю в шесть. Это недалеко от пересечения с Авророй.

Это пахло возможной дракой, но не в том суть. Какого черта Настя решила призвать меня в качестве рыцаря-защитника? Неужто я и впрямь такой вахлак, что не разобрался в её отношении к себе? Ну явно же мутная баба – Сашка совсем другой парень.

Само собой, я поехал, разыскал это контору. Около подъезда была лавочка. Я сел, посмотрел на часы: две минуты седьмого. Приготовился ждать, но долго сидеть не пришлось, подвалил какой-то мордастый тип, спросил, не найдется ли закурить. Я отрицательно мотнул головой. Мужик у этому было под сорок, но как следует я его не успел рассмотреть – он внезапно вякнул:

– Гляжу я, земляк, копыта-то у тебя разные. Народился таким, что ль? Могу одно копыто укоротить.

Я сидел и это мурло не могло видеть мою хромоту. Значит... Я ещё вполне не разобрался, что это значит, но зато полностью осознал, что был основательно обосран. Ясно было и другое – этот мордастый шмокадявник был в разы сильнее меня. Но такое спускать нельзя – меня он крепко измордует, но и я могу оставить на его наглom мурле долговременный след. Все дальнейшее произошло настолько быстро и как-то даже помимо моего сознания. Я извлек из своих джинсов фирменный ремень со здоровенной массивной пряжкой и в раскруте звезданул своему «земляку» по мясистой роже. Тот взревел, схватился за щёку и ринулся было на меня. В ту же минуту неизвестно откуда возникли двое неизвестных, ухватили этого охломона за руки – я успел лишь заметить, как по левой части его физиономии и из носа густо валит кровь – и увели его. Минут пять я старался уяснить, что произошло. Что это за мужички так своевременно, да и умело выкрутили руки этому типу? Но не это главное, главное в другом – «земляк» знал о моей хромоте, а знать он об этом мог только от Анастасии. Кажется, она Волина.

Я прошел в помещение нотариальной конторы. Сидел так какой-то парень. Я спросил, могу ли я увидеть Анастасию Юрьевну Волину. Парень ответил, что она ушла полтора часа назад. В таком случае эта Настена явная стерва и все подстроила, будучи в полной уверенности, что мордастый «земляк» меня основательно измордует. Вот слюнявый баран, явился защитник. Но за что эта сука так взъелась за меня? Неужто за отсутствие взаимности на зеленой травке?

Откровенно мне было очень паршиво на душе, я зашел в какую-то забегаловку и выпил сто грамм водки. Занятно то, что я почти не задавался вопросами, кто те мужики, кто пришли ко мне на выручку. По мне лучше было быть побитым, чем испытать то, что я испытал. Подлость в любой форме внушала мне отвращение и я, испытав на себе её паршивые щупальца, подумал, что сам нередко поступал с изрядной подлостью, правда более скрытной, а такое, может быть, еще мерзопакостнее. Не знаю, оказала ли эта история какое-то влияние на мою дальнейшую жизнь, но одно можно было сказать с уверенностью – я стал осмотрительнее и старался не делать тех мелких пакостей, которые делал раньше. Тут, конечно, не обошлось без отталкивающих деяний деда – я очень не хотел быть похожим на него. Будущее покажет, получится ли это у меня.

2. Власть

Я был в мастерской, когда запел мобильник. Прозвучал незнакомый голос с каким-то акцентом.

– Добрый вечер, Леонтий Дмитриевич. Мы бы не могли встретиться?

Я поинтересовался, с кем говорю. Голос довольно мягко и не настырно заявил, что при встрече будет и имя. Я спросил у неизвестного, где он хочет встретиться.

– Да где пожелаете и в любое время.

– В любое?

Такая покладистость удивляла. На следующий день я не работал, в полдень же у меня были компьютерные занятия с Нелидовым.

– Если в любое, приходите ко мне завтра в половине девятого утра. Живу я.

Голос меня прервал, опять очень мягко, и чуть распевно поведал, что знает мой адрес. Что ж, дела мои продолжают обрастать вопросами.

Человек с мягким и не настырным голосом был на редкость точным. Ровно в половине девятого утра в дверь постучали. Незнакомец был высок, с внешностью явно дальневосточной. Он протянул руку.

– Меня зовут Кимура, родом я из города Киото, что на японских островах. Называю себя подробно, уважаемый Леонтий Дмитриевич, поскольку знаю, что русских, прежде всего, интересует национальность собеседника. Многие этого не желают признавать вслух, однако думают именно так.

Тут не поспоришь, пронеслась мыслишка. Мне захотелось представить своих соотечественников в более благопристойном виде, так как и я считал, что думать сходу о происхождении того, с кем встречаешься, дело малодостойное. Я немедленно заварил чай, поставил на стол банку кофе, достал из холодильника палку сервелата, недоумевая про себя, когда я ее купил. Значит, он Кимура, интересное имя и вообще красивый мужик, глаза совсем не узкие, но с большими наплывами на веках. Улыбка добрая. Может обманная?

– А я думал, что японцы низкорослые, вроде китайцев, а то и помельче, вы же, господин Кимура, почти на голову выше меня, хотя роста я не маленького.

– Вы правы, Леонтий Дмитриевич, граждане страны Восходящего Солнца не отличаются высоким ростом. Я же подобно некоторому количеству своих соотечественников попал в особую группу тех, кто не составляет национальный типаж.

Он, не чинясь, сам наполнил свою чашку чаем, пригубил и одобрительно кивнул. Первые десять минут разговора, как я вскоре понял, носили ознакомительный характер. Говорил этот человек по-русски просто здорово, рассказал, что с ранней юности занимается предпринимательской деятельностью, в свое время работал в сфере высоких технологий, но не как инженер, а как организатор, технический руководитель, сказал также, что близко знаком с бизнесами в разных странах и основательно изучил особенности функционирования русских компаний. Что до российского предпринимательства, то здесь Кимура, как мне показалось, был довольно сдержан, не произнес ни одного дурного слова, хотя сам я о наших недавно народившихся махерах от бизнеса думал совсем по другому. Он лишь заметил, что русские председатели правлений и банкиры находятся в ощутимой зависимости от властей. Серега Нелидов был более откровенен и впрямую говорил, что часть крупных предпринимателей как столичных, так и периферийных прикормлены кремлевскими медвежатниками. Именно так определял Нелидов главных правителей нынешней России, а самого президента не называл иначе, как пахан.

– В настоящее время я генеральный менеджер ста девяти различных компаний, разнопрофильных фирм и объединений. В моем распоряжении находятся гигантские долларовые

активы, значительная часть из них в ценных бумагах, но и немалая доля в наличности. Вы разрешите, Леонтий Дмитриевич?

Мой гость просил разрешения воспользоваться раскрытым компом. Я сделал широкий купеческий жест правой, как бы говоря тем самым, что он не только может использовать лэптоп, но и вообще, если пожелает, забрать его себе. Кимура с улыбкой кивнул, допил чай – ни к колбасе, ни к хлебу он даже не притронулся – и тут же перебазировался к компьютеру.

Как бы слабо я не представлял всю деятельность современных воротил, какие бы картины на этот счет мне не успел нарисовать Серега Нелидов, я не мог представить себе, чтобы один человек управлялся со многими десятками компаний. Здесь этот приятный гражданин наверняка привирал, но делал он это также мягко и красиво, как улыбался и говорил.

В дальнейшем пошел форменный фейерверк и спустя много часов после ухода Кимуры я немало удивлялся сам себе, как это мне удалось сохранить внимание, задавать вполне разумные вопросы и не захлебнуться в том море информации и ярких фирменных постов, которые Кимура обрушил на меня. Компании: автомобильные с совместным русским и иностранным капиталом, строительные как промышленного назначения, так и частных застроек, производственные объединения пищевой промышленности, швейные предприятия со своими специализированными магазинами, разбросанные по огромным пространствам, и так далее и тому подобное; фирмы от посреднических сбытовых, связанных с заграничными поставщиками до отечественных, производящих часы, изделия из натурального меха и некоторые предметы народных промыслов; большое количество мелких объединений, во главе которых стояли иностранные предприниматели. Причем эти совершенно избыточные сведения сопровождалось фамилиями коммерческих директоров, председателей правлений и всякого рода состоятельных фирмачей. Я держался наплаву, смотрел на приятно улыбающегося Кимуру, думать о чем либо был не в состоянии, так как напряженно старался удержать в памяти то, что мне он говорил и уловить какую-то связь между всеми этими большими и малыми составляющими чьего-то громадного бизнеса. Вряд ли, если б это был кто-то другой, а не этот человек, я выдержал бы так долго свое сиденье перед разноцветно мелькающим экраном. Я задавал вопросы, но вовсе не потому, что это мне было интересно. Задавал от того, чтобы Кимура не подумал, что рядом с ним сидит махровый лох. Вопросы, по мнению Кимуры, были интересные, хотя я-то в этом сомневался – он просто хорошо воспитанный человек, русский наставник, да тот же Нелидов, круто выразился бы, услышав, например, мой вопрос, почему российские компании и фирмы на своем лого постоянно используют латинскую графику и берут названия заграничного происхождения. На мой вопрос, являются ли все эти компании и коммерческие объединения частными или принадлежат государству, Кимура ответил не сразу.

– Я говорю не только о русских компаниях, но и о забугорных. Если они принадлежат государству, то менеджерам там делать нечего и вы вполне удержите на коротком поводке не только сотню, но много больше всяких объединений и фирм, так как эта уже полицейская служба, а никакой не бизнес. Хотя может я что-то не понимаю, скорее всего не понимаю. В моем представлении свободный бизнес не должен быть под государственным колпаком. Так учит меня Сергей Нелидов. Вы наверняка знакомы с этим парнем, ведь так?

На эту минуту мне было ясно одно: кто-то собирается мне подкинуть какое-то серьезное дело и этот господин из Киото, и Серега Нелидов, а может и Новосельцев в одной связке. Возможно в той же компашке и Николай Степанович Разин, просветивший меня насчет старой Самары, ее кровавых революционеров и моего подлючего дедули. То, что мною занимаюсь, тут и говорить не о чем. Эти молодцы, уволокшие в неизвестном направлении наемное мурло Настёны Волиной, это ж не просто так. Если вдуматься, то и поведение моего названного папани наводит на разные мыслишки. Ведь этот У сков явный жлоб и Николай Степанович это подтверждает. Чтоб такой паскудный мужиченка так за здорово живешь отписал мне такую квартиру в центре старого города! Да никогда и Люба тут ничего бы не сделала.

– Да, конечно, я знаком с Сергеем Нелидовым. Скажу больше: я знаю даже тех людей, которые внимательно отслеживают ваших недоброжелателей, Леонтий Дмитриевич.

– Да ну! – Я был сильно удивлен такой откровенностью. – И много у меня таких недоброжелателей?

– Нет, немного.

Не знаю, был ли я особо впечатлителен, доверчив – вроде нет, но этот Кимура меня здорово расслаблял. Я ему верил, как будто был знаком с ним невесть сколько. Вот это его «нет», сопровождаемое какой-то домашней, теплой улыбкой превращало меня в настоящую тряпку.

– На сегодня известно, что вашим активным недоброжелателем является Анастасия Волина. Эта женщина очень агрессивна, мстительна и жестока. Я не знаю о ваших личных отношениях с этой дамой, Леонтий Дмитриевич, что, кстати, совершенно никого не должно касаться. Главная причина её резкой враждебности к вам объясняется ростом вашего влияния на её сына. Для Волиной совершенно недопустимо, чтобы кто-нибудь нарушал её монопольное право на этого мальчика, Саша же к вам начал привязываться. Этот мальчик не является родным сыном Анастасии Волиной, это сын её сестры, проживающей в настоящее время в Караганде. Мать Саши тяжело больна, шесть лет назад Волина увезла Сашу в Самару, сказала мальчику, что его мать умерла и он теперь будет жить у неё. Она приучила мальчика называть её мамой, сурово обращалась с ним. Саша её очень боится. Женщина эта не может иметь своих детей, страдает от этого – видимо, это явилось одной из причин её тяжелого нрава.

– В таком случае, – сказал я, – надо вернуть Сашу родной матери. Господин Кимура, скажите: это трудно сделать?

– Совсем нет, – серьезно заявил он, настолько серьезно, что даже улыбка, постоянный спутник этого человека, куда-то подевалась. – Вам стоит лишь распорядиться.

– Не понял.

Думаю, что никто бы здесь не понял. Что это значит?

Кимура не спускал с меня глаз, заговорил и опять без улыбки. И то, что этот человек не улыбался заставило меня насторожиться. С первых слов стало ясно, что речь шла о нештучных вещах. И для него – он выполнял чей-то приказ, и для меня, которому предназначалось совершенно неподъемное дело. Дикость всего того, о чем говорил Кимура, была налицо. Что он предлагает? Не много не мало, как стать во главе какого-то необъятного объединения разнопрофильных, разнокалиберных компаний, фирм с фантастическими денежными фондами, тех самых, о которых он говорил в самом начале нашей встречи. Первой моей реакцией явилось нервно-игривое восклицание:

– Это что – анекдот?

Кимура несколько раз мигнул – казалось, он не понял моей реакции. Так как его молчание продолжалось около минуты, я был почти уверен, что он не понял.

– Господин Кимура, вы, скорее всего, пошутили. Как я могу возглавлять эту прорву коммерческих организаций, компаний и всякого рода объединений, когда я законченное фуфло, замухрышка, колесный мастеровой, в общем фигня на постном масле. Тут и у умного человека со специальным образованием в недельку крышу снесет. Да и вообще кому это надо, кому это в голову пришло усаживать меня на это место? Идейка-то чья, господин Кимура? Мне кажется не ваша – вы человек добрый, я почти уверен в этом, и не станете меня бросать в этот галдящий ядовитый муравейник. Я кое-что читал о нравах, которые во всех бизнесах существуют, как там подъедают друг друга, а уж если кто поскользнется, то непременно подтолкнут, чтобы упал и не очухался.

Кимура лучезарно заулыбался, почему-то закивал, дал мне до конца высказаться, потом же выдал следующее заявление:

– Уважаемый Леонтий Дмитриевич, вы очень скромны и явно недооцениваете себя. Вам совершенно не требуются какие-то особые знания, вам даже не нужны будут советники, а если вдруг вы захотите что-нибудь выяснить, то сможете связаться либо со мной, либо с господином Нелидовым. У вас на руках будет полная картина работы всех предприятий и фирм, которые объединены в единый комплекс под названием «Серториус». Ваше слово для всех руководителей данного конгломерата будет равносильно приказу. Уверяю вас, Леонтий Дмитриевич, никто не ослушается и не проявит даже намека на какое-то своеволие. В вашем стационарном компьютере, как и в вашем личном айфоне, будет вся информация, касающаяся всего комплекса «Серториуса» с указанием активов всех компаний, фирм, их конкретных деловых связей с отечественными и иностранными производственными объединениями, с возможными проблемами и методами устранения этих проблем. В вашем айфоне будут также коды отдельных спецгрупп, которые вы сможете использовать по своему усмотрению. Проще говоря, Леонтий Дмитриевич, речь идет о людях, которые выполняют силовые, если хотите, полицейские функции. Эти спецотряды действуют только по вашим указаниям и не подчиняются ни одному председателю правления любой компании «Серториуса». Уверяю вас, Леонтий Дмитриевич, все это совсем несложно – ведь вся работа конгломерата осуществляется без прямого вашего участия. Я предвижу ваши вопросы. Не сомневаюсь, что главный из них: что представляют собой люди, возглавившие компании «Серториуса» и почему они безоговорочно готовы подчиняться какому-то неизвестному лицу. Ведь так?

Слушая все это, я не знаю, какой у меня был видок. Если он был, как у какого-нибудь полудурка, то это соответствовало тому состоянию, в котором я находился. Все, что мне сейчас накартал Кимура, переварить сразу было нельзя. Первая мысль была вполне четкая – послать, все послать куда подальше. Но эта была первая мысль и я так думаю не самая правильная. Самая правильная была та, которая высказал Кимура, не спускавший с меня глаз.

– Я думаю, Леонтий Дмитриевич, что вам надо собраться, как следует подумать, сравнить то, что вы имеете сейчас и какие прекрасные возможности открываются перед вами, если вы согласитесь с моим предложением. Подумайте также и о том, какому количеству приятных вам людей вы сможете оказать весомую поддержку, а, с другой стороны, покарать тех, кто, подобно упомянутой мною даме, будут против вас строить какие либо козни. Я не тороплю вас. В случае вашего согласия позвоните либо мне, либо Нелидову. Свой номер я вам оставляю. Если вы согласитесь, в тот же день вам доставят новый компьютер с необходимой инсталляцией и айфон последнего поколения.

Первые два дня, даже больше, я как-то мало думал о визите Кимуры. Правда, на следующий день после этой памятной встречи я позвонил Нелидову, два раза позвонил, хотел кое о чем порасспросить, но его мобильник был отключен. А потом почти подряд произошли довольно странные вещи, но ко мне они никакого отношения не имели.

В тот вечер я вернулся с работы раньше обычного, по дороге заехал в библиотеку, взял какие-то книги по современному менеджменту, на всякий случай – вдруг осилю. То, что я взял эти две книжки говорило о том, что визит Кимуры все-таки засел у меня в голове. Я стал читать и минут через десять подумал, что все это совсем не так мудрено и многое я вполне могу понять.

Часиков так в восемь в дверь постучали. На пороге стояла девчонка лет четырнадцати, в ярком цветастом платице.

– Простите, пожалуйста. Я потеряла ключ от квартиры, живу я в соседнем подъезде и наши балконы находятся рядом. Вы не будете возражать, если я из вашего балкона перелезу на свой.

– Да нет, конечно, – говорю, про себя удивляясь смелости этой девчонки. Расстояние между нашими балконами было никак не меньше метра двадцати, третий этаж, если загремит – косточек не соберет.

Мы вышли на балкон. Вроде эту девицу я видел – ну да, если она живет здесь, то вполне мог видеть.

Она взобралась на балконные перила, но потом, заколебавшись, спрыгнула обратно. Что ж я за охломон, мужик называется. Я сказал, чтоб она не вздумала прыгать, мне, мол, это раз плюнуть. Это действительно было не трудно и я махнул на соседский балкон, вошел в салон, богато обставленный – это я успел заметить – и отпер входную дверь.

Она вбежала в свою квартиру, стала благодарить меня.

– Хорошо, что мама уехала на курорт. Я закажу новый ключ к её приезду. Меня зовут Алина, а вас?

Я назвался. Она полезла в ящик стола, достала запасной ключ.

– А где вы держали тот ключ, который потерял?

– В сумочке, в специальном отделении, закрываемом на молнию.

Она сняла с плеча небольшую сумочку и показала кармашек, где лежал ключ от квартиры.

– Посмотрите, Леонтий, кармашек закрыт, а ключа нет.

– Ну может по забывчивости вы сунули ключ в другое место в вашей сумочке. Тут же у вас полно всяких кармашков.

– Да нет же, я помню, что положила ключ именно сюда. Я всегда его кладу именно сюда. Как я могла его потерять, если кармашек закрыт на молнию?

Я пожал плечами и направился к двери, уже вышел, хотел спуститься к себе в подъезд, но внезапно задержался и вновь вернулся в квартиру этой девчонки.

– Алина, вы не потеряли ключ, у вас его вытащили.

– Вытащили из закрытого кармашка, а потом кармашек закрыли?

Она недобро уставилась на меня.

– Да, закрыли, для опытных воругов это совсем нетрудно. А закрыли именно для того, чтобы вы не подумали, что у вас выкрали ключ. Очень может быть, что кто-то держит под прицелом вашу квартиру.

Она пристально с усмешечкой посмотрела на меня.

– Вы так уверенно об этом говорите, Леонтий. Наверно у вас самого есть опыт на этот счет.

Меня покорило от ее слов, я махнул рукой и поспешил поскорее уйти.

Наверняка я бы быстро забыл об этом эпизоде, если б через дней пять ко мне не явился прилично одетый мужик, назвавший себя следователем районной прокуратуры. Вежливый, без каких-то мудреных подходов, которые, как я слышал, отличали некоторых типов этого ведомства. Он впрямую заявил, что некая Алина Гусева, проживающая в соседнем подъезде, написала заявление, в котором считает меня соучастником банды, захватившей её квартиру. На меня, откровенно говоря, накатило что-то вроде столбняка. Этот следователь был умный мужик и по всему моему виду понял, что эта юная сука явно мухлюют. Я рассказал ему, что было, можно сказать дословно передал наш разговор с Гусевой, сказал и о том, что сам сиганул на соседский балкон и открыл дверь квартиры этой девицы.

– Понимаю, – заявил прокурорский следователь. – Дело тут вот какое. Около полу года назад скорострительно скончался Юрий Вячеславович Гусев, отец этой девочки. Он был крупным бизнесменом, участвовал во многих строительных проектах не только в Самаре. У него было немало завистников и недоброжелателей, в том числе и людей влиятельных. Они воспользовались смертью Гусева и бандитским способом захватили квартиру его семьи, предварительно вытащили у этой девочки ключи, в течение короткого времени переоформили эту

квартиру на другое имя, даже поставили новые замки. Когда Алина попыталась попасть в свою квартиру, ей заявили, что она ошиблась адресом и здесь прописаны совсем другие люди. Почему эта девочка вас подозревает в соучастии в этом преступлении, думаю, что это просто от отчаяния. Я не сомневаюсь, что вы здесь не при чем.

Нельзя сказать, что я не слышал о захватах чужих квартир, правда в тех случаях использовались другие приемы, но тоже топорные. Меня немного удивило, что этот следователь сходу посчитал меня невиновным и меня не стали таскать в полицию и устраивать многочасовые допросы. Я не испытывал никакого сочувствия к Алине – девка эта была наверняка душная.

Этот следователь ушёл и вроде бы на этом надо было ставить точку. Я, однако, не зря удивлялся, что этот прокурорский служака сходу поверил в мою невиновность. То-есть, он может и поверил, но его покладистость объяснялась совсем другими причинами. И растолковал мне это Серега Нелидов уже к вечеру того же дня. Он сам явился ко мне.

– Послушай, Лёня, все вопросы, касающиеся кто и почему тебе предлагает занять место теневого руководителя «Серториуса» отложи на более позднее время. Кимура тебе предложил эту должность, определил её достоинства – решение за тобой. Ты ничем не рискуешь, став во главе этой корпорации. Ты должен был позвонить в случае согласия мне или Кимуре. Тебя никто не торопит, но тут дела развернулись таким образом, что надо поскорее принимать решение. Поэтому меня и прислали к тебе, меня, поскольку Кимура выехал за рубеж. В двух словах: несколько самарских говноедов с солидными бабками наметили ряд квартир новейшей застройки для собственных нужд, не столько даже лично для себя, сколько для своих смердюков из охранных ведомств. У нас нет законов, нет тяжелых печатей и начальственных росписей, которые могут гарантировать неприкосновенность собственности. Так мы всегда жили, так мы будем жить и впредь. Квартира Гусева была захвачена, возможно, если б Гусев заблаговременно не сыграл в ящик, его жильё не тронули – он сам из местных паханов. Его дочь и жену лишили купленной квартиры и ни один суд им не поможет вернуть недвижимость. Сегодня у тебя был следователь – его якобы интересовала история с гусевской квартирой. Он не соврал тебе: дочь Гусева действительно накатила на тебя паскудную телегу Эта девка, как впрочем и ты, не ведает, что следователь Павел Ведерников из той самой волчьей стаи, которая организовала рейдерский захват гусевского жилья, а не сегодня-завтра займется тобой. Этот дом на Некрасовской привлекает многих, хотя с моей точки зрения он ничем не лучше других типовых новостроек. Ведерников хитрейший лис – он и его поделщики найдут способ оставить тебя без жилья. И произойти это может очень быстро. Тебя, кстати, могут обвинить именно в том, что тебе приписывала дочь Гусева. Ты мне не веришь?

Я молчал, на Нелидова не смотрел и как-то тупо глядел в окно. Не нашел ничего лучшего как промямлить:

– Я верю Кимуре.

Грубо, наверно, было так говорить. Другой кто-то мог бы и обидеться, но Серега не обиделся.

– Ну, добро, я вполне тебя понимаю. Нам у японцев учиться и учиться. Но Кимура сказал бы тебе то же самое – мы же в одной упряжке.

Я молчал очень долго, Нелидов подсел к моему ноутбуку и не торопил меня.

– Ладно, давай. Попробую быть магнатом. Мне, как я понял, причитается стационарный ком и новейший айфон.

– Прекрасно. Поздравляю, завтра все будет доставлено. Сейчас определись с паролем. Полный пароль: имя и десять цифр на выбор.

На этот раз размышлял я недолго.

– Имя Хромой, цифры от нуля и по степени уменьшения от девятки до единицы.

– Сегодня твое имя будут доведено до сведения всем руководителям «Серториуса». Уже завтра ты можешь отдать любое распоряжением каждому объединению и оно будет выполнено.

Я хмыкнул и не без ехидства спросил:

– А если такому малограмотному чуваку, как я, придет в башку потребовать, чтобы фирма «Мастерок» все свои ремонтно-реставрационные активы перекинула в распоряжении компании «Дома и виллы XXIвека», неужто фирмачи из «Мастерка» пойдут на такое? Это ж будет самоудушение.

Названные мною объединения действительно числились в конгломерате «Серториуса». Кимура мне их не только продемонстрировал на компьютерном дисплее, но и кратко рассказал историю их появления.

Нелидов задумчиво стал всматриваться в меня. Про себя я гадал, что значит его взгляд; то ли он лишний раз уверился, что перед ним упертый недоумок – я этот серегин взгляд уже видел как-то раз-то ли он ещё не определился в степени моей способности или неспособности залезать во все эти компьютерные премудрости.

– Если последует приказ Хромого незамедлительно перевести всю собственность и lik-виды в распоряжении компании «Домов и вилл», это будет сделано в кратчайшие сроки.

– А если это не будет сделано? – с упертостью и достаточно вонючей даже для меня самого поинтересовался я.

Нелидов продолжал созерцать мою физиономию с прежним упорством, потом медленно с расстановочной произнес:

– Это исключено. Но подоплеку твоего интереса я понял. У нас было всего два случая неподчинения или, вернее, недостаточно оперативного подчинения. Эти люди были устранены.

– Что значит устранены?

– Изгнаны из конгломерата, их бизнес был передан другим лицам. Когда отдается какой-то приказ о перегруппировке активов, о смещении или назначении нового руководителя объединения любого уровня, необходимо ставить в известность спецуправление конгломерата, сокращённо СУ. Оно ведет наблюдение за исполнением приказа и само принимает в случае необходимости соответствующие меры.

– Другими словами, тот, кто Хромой, может ни во что не влезать?

Я рассмеялся.

– Если так, то тут вообще не о чем беспокоиться. Зачем только нужен кто-то ещё, если этот груженный воз и так борзо катит.

– Нужен, – твердо заявил Нелидов, отведя, наконец, взгляд от меня и перебросив его куда-то в окно, откуда долетал легкий перезвон трамвая и шумный проезд легковушек. – Есть вещи, которые потребуют твоего вмешательства.

– А как я узнаю, когда потребуется моё вмешательство и каково это вмешательство?

– У тебя будут советники, – заявил Нелидов. – Они дадут о себе знать либо через комп, либо позвонят.

– А если я сам захочу свернуть кому-нибудь шею – что, это будет выходить за пределы моих обязанностей?

– Нет, вовсе нет, – сказал Нелидов с легкой улыбочкой. – Это твои личные дела. На твоём айфоне проставлены две аббревиатуры: PS и PA. Первые две буквы выведут тебя к службе твоей личной охраны, которой ты можешь отдать любой приказ против негодных тебе людей. Вторые две буквы – это твой личный счет в двух зарубежных банках. Нужные тебе суммы ты можешь перевести когда пожелаешь на центральный банк Самары или какого угодно российского или нероссийского банка. Открой счет, но только на свою настоящую фамилию. Набери реквизиты одного из тех банков, где на твою настоящую фамилию положены деньги и в тот же или на следующий день нужная сумма будет в твоём распоряжении. И ещё. Коллегию адвокатов в Самаре возглавляет Михаил Ильич Костомаров. Он находится на содержании местной бизнес-элиты. Сегодня к вечеру ему будет дано указание связаться с городской прокуратурой

и убрать из сферы интересов представителей правопорядка и их бандюков твой дом. Следователь Ведерников больше к тебе не явится.

После продолжительного и достаточно натужного раздумья я сказал:

– Если речь о советниках, о тех, кто мне позвонит или кому я позвоню, то я хочу видеть только Кимуру.

Нелидов кивнул. В целом я все понял, прощаясь спросил:

– Ты в курсе моих дел с Анастасией Волиной и её сыном Сашей, который на самом деле вовсе не её сын, а сын её сестры. Если в курсе, то мне хотелось бы вернуть Сашу родной матери. Это возможно? Кимура считает, что мне стоит только распорядиться.

Нелидов спокойно сказал:

– Безусловно. Свяжись через PS с дежурным бригадиром, укажи свое имя – полный цифровой пароль не нужен, он может понадобится только в случае каких-то технических помех при установке связей с некоторыми компаниями «Серториуса». Скажи бригадиру, чего ты хочешь. Люди из службы сами разыщут сестру этой Волиной, где бы она не жила и мальчик будет передан родной матери. Но здесь имеется один нюанс. Если этот Саша не захочет остаться с родной матерью, а предпочтет не родную, твоей службе придется умыть руки. И все-таки эти дела, Леонтий, начинай по прошествии нескольких суток после доставки тебе стационарного компа и личного айфона.

На этом мы распрощались.

Все было сделано на высшем уровне. На следующий день новый компьютер с большим монитором был водружен на стол в салоне, мне в руки передали новенький айфон и два визитера, сказав лишь «доброе утро» и «всего хорошего», скрылись. Около двух часов я изучал свалившуюся мне на голову технику, без особого труда вышел на сайт «Серториуса», испытал некоторый психологический прессинг от непомерной бизнес-толчеи в этом маловразумительном конгломерате, полюбовался новизной айфона, преуспел в выходе на старт-скрин – школа Сереги Нелидова была не напрасна; все иконки на стационаре были такие же, как на лэптопе, правда к ним прибавились два голубых прямоугольника с латинскими буквами PS и PA. Если б не предупреждение Нелидова, я прямо сейчас заглянул бы в свой финансовый аккаунт, да и заодно связался с лихой публикой из PS.

На работу я опоздал, когда ж явился наш начальник Боря Дергачев крепко переругивался с какой-то женщиной, молодой и крайне агрессивной. Эта дама не старше двадцати пяти лет нахраписто требовала, чтоб её машину немедленно взяли в ремонт, уверяла, что она приехала раньше пожилого мужика, чья легковушка уже стояла на подъемнике. Под этот гвалт мое опоздание как-то прошло без всяких нареканий и я тут же приступил к работе.

Дергачев отличался завидным спокойствием, он разъяснил шумной гражданке, что перед ней ещё двое клиентов, они подъедут позже. Если гражданочка уж очень хочется отремонтировать у них, пусть подъедет к двум, а ещё лучше к трем часикам и непременно не позже трех, а то. мол, ничего не выгорит. Та ещё пошумела, повозмущалась, но, в конце концов, отвалила.

В четвертом часу мы вместе с Димой Агеевым меняли лобовое стекло в «опеле», когда вновь появилась эта дама. Бори не было, но зато был Шурик Шутов, здоровенный мужик, который не очень-то церемонился с клиентурой. Он эту женщину хорошо запомнил и грубовато заявил, что она опять опоздала.

– Ведь было сказано – не позже трех, а ты когда заявила? Пригонишь свою тачку завтра и в то время, когда я тебе скажу.

Белокурая, с легкой рыженкой, голубоглазая – сейчас она выглядела даже моложе, чем утром, но лицо было таким злющим, что лучше не смотреть.

– Ты мне не «тыкай», смердюк! Подожди, попадешь к нам в «пироговку», я тебе кое-что отрежу.

Из её машины я услышал негромкий женский голос:

– Ольга, замолчи! Поедем в другую мастерскую.

Шутов громко захохотал, вытер тряпичной рукой и двинулся к женщине.

– Ну чего, рыжик! Предложение принимаю. Отрежь мне кое-что, а то жене мои габариты стали в тягость.

– Сегодня же я напишу на вашу шарашку заявление и вас закроют к чертовой матери.

– К какой матери, рыжик? Я не расслышал.

Назревал скандал. Очевидно, что эта упертая дама на полпути не остановится, а с Шутовым мы уже попали в одну историю и нас крепко оштрафовала милиция. Но не это меня подтолкнуло вмешаться. Думаю другое – эта женщина была права, она второй раз к нам приехала, а Шутов явно отхамил.

– Шура, займись своими фарами и прекрати выпендриваться.

Мы уже поставили лобовое стекло, я оставил Диму возле «опеля», сам же направился к автомобилю этой дамы.

– Что у вас стряслось?

Она на меня даже не взглянула. В машине была ещё одна женщина, но она тотчас вышла, как только услышала мой вопрос.

– Тормоза ни к черту, два-три раза жму, чтобы остановиться. И руль тянет вправо.

– Хорошо, что не налево, – вякнул Шутов.

– Пожалуйста, разрешите, я посмотрю.

Я выгнал её «шевроле» на улицу, проехал метров двести, вернулся и загнал машину на подъемник. Работы было не так много: надо было поменять тормозные колодки, заменить рулевые тяги и поменять картер-тот еще не подтекал, но явно дышал на ладан. Я повернулся к сердитой даме.

– Вы много и быстро ездите по проселочным дорогам, да и местный асфальт не лучше. Необходимо кое-что поменять. У вас прекрасный автомобиль, ему не больше полутора лет. Если вы хотите, чтобы машина и дальше вам служила, надо сделать то, что я вам скажу.

– Это дорого? – спросила она, став более миролюбивой.

– Не очень, но придется подождать или приехать завтра.

– А если сегодня, то когда?

– Думаю, к десяти вечера все сделаем. У нас же в работе ещё машины есть.

Её подруга стояла около дерева, я сначала её даже не разглядел, видел лишь, что она черноволосая и на плечо был закинут ремешок от светлой сумочки. Наша заказчица взяла свою приятельницу под руку и они неспешно покинули площадку перед нашей мастерской. Подруги уже выходили на Чкаловскую, когда черноволосая повернула голову и наши глаза встретились – большие, темно-карие, густоресничные; она чуть улыбнулась, я тоже. Через пару секунд обе скрылись из виду.

Все время, пока мы штопали, подкрашивали, что-то там меняли в сданных нам авто передо мною то и дело появлялось лицо этой девушки. Что меня в ней так зацепило? То, что она брюнетка? В Самаре я таких девочек не встречал. Но не в этом же дело. Красота? Да, она очень симпатичная, может быть, даже красивая. И опять не это главное. Её глаза. Там была теплота и какая-то мягкость. Вещь редкая, для меня редкая – мне просто не попадались девчонки с такой добротой во взгляде, хотя их наверняка было немало.

Все дела с «шевроле» я закончил к девяти часам вечера, а через полчаса на нашей площадке появилась сама хозяйка машины. Она вопрошающе взглянула на меня.

– Ваш лимузин в прекрасной форме. Можете проверить – прокатитесь по улице, если что-то не так, скажите.

Она ни слова говоря уселась за руль, вернулась через три минуты.

– Здорово! Вы мастер, молодой человек. Сколько?

– Шесть.

– Это за все-то?

Я кивнул. Она подумала и добавила ещё тысячу. Я не взял, сказав, что все укладывается в названный тариф.

Она ещё раз поблагодарила, но проехав с десятков метров, остановилась, подала назад.

– Как ваше имя?

– Леонтий.

– Меня зовут Ольга. Леонтий, мне показалось, что вы хотели что-то спросить. Ведь так?

– Так. Где ваше сопровождение?

Она рассмеялась, кивнула, как бы показывая, что не ошиблась в своей догадке.

– Мое сопровождение дома. Она рано ложится спать, публичных мест не посещает. Каждое утро ровно в половине восьмого она появляется у центрального входа в пироговскую больницу. Леонтий, ещё раз благодарю вас. Вы очень приятный парень.

На мой айфон пришла эсэмеска: «А. Волина с мальчиком исчезла. Если вы заинтересованы в её обнаружении, сообщите».

Не знаю почему, но это послание меня обозлило. Я набрал PS и холодно сказал, что уже сообщил, в чем мой интерес. Для большой убедительности и вескости добавил, что не в моих правилах что либо повторять дважды. Не знаю, сыграл ли мой тон какую-то роль или и впрямь эта служба привыкла четко работать, но уже через пять дней мне позвонил никто иной, как сам Кимура и сказал, что Волина скрывалась у приятельницы, её серьезно перепугал эпизод с крепко изуродованным поделником. Кимура добавил, что она безропотно выехала в сопровождении наших ребят в Караганду и Саша охотно согласился остаться с родной матерью.

Впечатлила ли меня эта новость? Наверно, впечатлила. Но в гораздо большей степени впечатлило другое. Из квартиры Гусева были выселены бандюки, рейдерским способом вселившиеся туда, но ни эта Алина, ни её мамаша в эту квартиру больше не вернулись. Узнал я об этом от соседа с верхнего этажа. Мужика этого я встречал, мы здоровались и при одной из встреч в подъезде он поведал мне, при чем с явным удовольствием, что квартира теперь пустует, но вскорости туда вселятся какие-нибудь шишки. Почему этому типу об этом было приятно сообщать я не понимал. Личного же интереса у него не было, а вот то, что кого-то вымели из квартиры ему вроде как доставило какое-то удовольствие.

Все говорило за то, что со мной никто не блефовал. Я изредка залезал на сайт «Серториуса», смотрел, какие дела конгломерат проворачивал. Суммы, которые там были в ходу, переклестывали многие миллионы и не в рублях. Ни к Кимуре, ни к Нелидову я решил до поры до времени не обращаться.

Для общей картины надо было взглянуть на мой личный аккаунт.

Набрал RA. На желто-голубом поле высветился трезубец, на трех остриях которого возник прямоугольник с требованием пароля. Это трезубец Нептуна был лого «Серториуса», мне это было известно от Кимуры. Я быстро набрал свой личный код с именем и десятью цифрами. Почти мгновенно передо мною возник мой портрет, справа же было напечатано: Шебеко Леонтий Васильевич – я решил в комп внести мое паспортное отчество. Далее внизу указывались два банка с электронными адресами и номерами двух личных счетов. Первый банк находился в Цюрихе, второй во Франкфурте. Я поочередно заглянул в эти закрома и порядком очумел. В Цюрихе на имя Шебеко было положено до ста двадцати миллионов швейцарских франков, во Франкфурте двести пятьдесят миллионов евро. Здесь же было напечатано несколько строк по-английски. В свое время, когда мы с Сергеем Нелидовым начали заниматься компьютером, он принес большой англо-русский словарь и в довольно категорическом тоне заявил, что без этого языка ты, Лёня, можешь считать себя инвалидом первой группы. В общем-то надо было быть законченным дебилом, чтоб против этого возражать. Вяло, неохотно, но я стал кое-что почи- тывать на английском, обзавелся грамматикой. Сейчас, вникая в написанное на моем франк-

фуртском счету, я довольно быстро уяснил, что здесь речь идет о ценных бумагах, то есть об акциях, которые принадлежат мне; указывались сайты, где перечислялись какие именно акции и какие конкретно компании они представляли. У меня не было никакого желания влезать в эти гущи – я и без того был оглушен теми запредельными суммами, которые лежали у меня на счетах. Я пытался понять, кто и зачем проделал этот финт. Это уже не та шлюшка, подкинутая Новосельцевым, и не те добры молодцы, оттащившие от меня кобла Волиной. Здесь много круче, здесь работает мощная организация. Уж один тот факт, что такая паскудная бабенка, как Волина, без всякой борьбы отказалась от Саши говорил сам за себя, к тому же история с этой соседской квартирой Гусевых, да и этот сторублевый Нелидов, не говоря уж о семействе Разиных и их архиве. По хорошему надо бы проверить эти счета и перевести какие-то деньги в центральный банк Самары. Кимура мне объяснил, как это делается, хотя, работая в Тольятти, я уже знал, что это довольно простая операция, к тому же здесь у меня был счет, который на мое имя открыла Люба. Не теряя времени я вышел на реквизиты франкфуртского банка и после короткого размышления дал поручение перевести на имя Шебеко Л. В. в центральный банк Самары десять тысяч евро. Переводить больше ни в коем случае не надо было – мое имя могло засветиться. Через день не без волнения я навестил этот банк. Мне сообщили и довольно равнодушно, что на мое имя переведено десять тысяч евро и я могу их получить в любой денежной единице по валютному курсу. Я забрал двадцать пять тысяч рублей и отвалил, находясь в легкой контузии.

Выходит, что и это не блеф. Я подумал: может здесь кто-то кого-то надувает, я же какой-то передаточный механизм с непонятными для меня самого функциями. Надо бы ещё кое-что проверить – я ж теперь большой босс, не только в деньгах, но и в гораздо большем. Я не собирался бросать работу, приходил точно по времени, причем удивительное дело – как только я оказывался в мастерской, видел нашу въездную площадку, то постоянно думал о той черноволосой густоресничной девушке. Уходя, она обернулась. Её взгляд меня не то, чтобы волновал – девчонки меня вообще мало волновали – этот взгляд согревал, внушал доверие. И в нем не было никакого кокетства. Её подруга, светло-русая с лёгкой рыжинкой, довольно разбитная, быстро смекнула, в чем мой интерес. Когда я спросил, где её подруга, которая её сопровождала в первый заезд в нашу мастерскую, она сходу вылепила, что «её сопровождение» ровно в половине восьмого появляется у центрального входа в пироговскую больницу ежедневно. Так как эта девочка не выходила у меня из головы, я как-то раз подъехал к «пироговке», проторчал там с начала восьмого около часу, но густоресничную особу так и не увидел.

Я довольно долго выискивал возможности проверки моих начальнических возможностей в качестве теневого шефа «Серториуса». Случай представился, хотя я не был уверен, что такой вариант может сработать. В большом гастрономе на Куйбышевской не завезли сливочного масла, как я выяснил не было его и в других центральных магазинах и кое – кто уже стал поговаривать, что похоже возвращаются советские времена. Мне было мало что известно о советских временах, интересно другое. Я многократно просматривал информационные сайты «Серториуса», хорошо запомнил десятки профильных компаний конгломерата, имелись среди них и большие продовольственные объединения. Мой взгляд прочно зафиксировался на солидном мясе – молочном холдинге под выразительным названием «Гаргантюа». На рекламном щите этого объединения были изображены аппетитные круги ноздреватого сыра, разноформатные бутылочки с молоком, сливками и желтоватые ломти сливочного масла, вызывающе и маняще выглядывающие из симпатичных деревянных бочоночков. Все реквизиты «Гаргантюа» были четко проставлены на рекламных щитах. Не мудрствуя лукаво, не желая связываться с электронной почтой, в которой я не чувствовал себя уверенно, я набрал номер главного управления объединения.

Ответил женский голос. Я довольно требовательно произнес:

– Здесь Хромой. Немедленно соедините меня с вашим шефом.

В трубке наступила тишина. В голове пронеслось: последует ли сейчас какой-то вопрос. Подумал также и о том, на каком языке будут со мной говорить, если вообще будут – ведь название холдинга явно нерусское. Может во мне зародилась бы ещё какая-нибудь тревожная мыслишка, как я внезапно услышал:

– Я вас внимательно слушаю.

Приятный баритон, вроде, судя по слову «внимательно», осознаёт, с кем говорит.

– В ряде самарских продовольственных магазинов в центре города образовались сбои в поставках сливочного масла. Выясните, какое количество масла требуется, пришлите своих людей в гастрономы на Куйбышевской улице, предложите наиболее выгодные условия поставки. Все должно быть сделано в два дня, на третий день утром масло должно лежать на прилавках.

Ответ последовал не сразу и довольно неуверенный:

– Но, простите, поставки нашим объединением осуществляются по заранее составленным контрактам и занимают, как правило, более продолжительное время.

– Понимаю, – заявил я внушительно и с несвойственной мне холодностью, – но на этот раз вы сделаете так, как вам указано. В противном случае вы все слетите, как птички с проводов.

Почему как птички с проводов этого я и сам не знал, так как никогда не видел, как они слетают с проводов. Через секунд десять мой собеседник ответил:

– Хорошо. Все будет сделано и точно в срок. В самарские магазины завезут нормандское масло в нужном количестве.

Несмотря на некоторое возбуждение от состоявшегося общения с крупным фирмачом, я все-таки не поленился и залез в википедию, чтобы выяснить смысл слова гаргантюа. Оказалось, что это имя французского средневекового обжоры, придуманного писателем Франсуа Рабле. Я решил взять в библиотеке эту книгу.

Мало веря в свои лихие начинания теневого босса, я тем не менее на этот самый третий день отпросился с работы и поехал в гастроном на Куйбышевской. В магазине творилась неслыханная толчея. Я поинтересовался у какой-то женщины в длиннющей очереди, зачем это люди стоят. Масло завезли, наконец, неохотно проговорила та. Ничего себе, думаю. Рванул в гастроном неподалеку от пересечения с Некрасовской – такая же картинка. Там уже кое-кто скандалил с теми, которые норовили проскользнуть вне очереди.

Вот это было уже серьезно. Интересно то, что меня не столь поразили запредельные суммы, которые лежали на счетах Леонтия Шебеко черте где и я, как недавно убедился, мог без проблемно ими пользоваться. Меня основательно завела возможность отдавать распоряжения, которые сразу выполнялись и выполнялись точно в указанный срок. Про себя я подумал, что имея такую власть, можно сотворить массу интересных дел, в том числе и с теми, которые повсеместно гадили и чувствовали себя в полнейшей безнаказанности. Лично у меня никаких врагов не было, но было другое: по всей нашей здоровенной империи творился вонючий беспредел и кое – кому срезать серпом по яйцам ощутимо подмывало.

Я продолжал работать в автомастерской, хотя сам не ведал, для чего я это делаю с такими деньжищами. С другой стороны: если я брошу работу, чем заниматься? Вроде бы все, как на ладони: приобрети солидную недвижимость, можно даже за границей, начни шататься по миру, обзаведись хорошенькой попугачицей, хотя бы той брюнеткой, которая сопровождала бойкую даму – кажется ту Ольгой зовут – в нашу мастерскую. Надо бы ещё раз съездить к центральному входу в пироговскую больницу – может встречу я её.

Не откладывая в долгий ящик, я на следующее утро ровно к половине восьмого снова подъехал к «пироговке». Там уже припарковалось с десятков машин и я подумал, что надо было приехать чуть раньше. Эта Ольга сказала, что «её сопровождение» – это она с усмешечкой мои слова повторила – является на работу ровно к половине восьмого. Но она может прийти и

позже. Я решил ждать и не спускать глаз с тех, кто входит в больницу. Ждать мне не пришлось. Едва я снял с плеча ремень безопасности, как буквально рядом услышал:

– Доброе утро! Давно ждете? Я её сопровождение.

Она! Откуда появилась? Неужели сама ждала?

Она была в белом врачебном халате, на плечи наброшена кожанка. Улыбалась – кареглазая, действительно с очень густыми ресницами, черные пряди спадали на лоб. Я никогда не был знаком с такими красивыми девочками. Она протянула мне руку и заговорила первая. Я в первые минуты как вылез из машины стоял несколько ошарашенный.

– Вы Леонтий, да? Можно просто Лёня? Я Люся, Люся Андреева. Работаю здесь старшей операционной сестрой. Ольга мне говорила, что вы непременно подъедете. Это может произойти в любой день. Я уже несколько раз выходила на этой неделе, но вас не было. Ну вот. Как поживаете?

Я выглядел в те минуты наверняка порядочным дебилом, а она так прекрасно улыбалась и так на меня смотрела, что я долго никак не мог обрести привычную форму для нормального общения. Люся взяла инициативу в свои руки.

– Лёня, послушайте. Я должна немедленно вернуться на свое рабочее место, сейчас начнется серьезная полостная операция. Если хотите, мы можем встретиться, послезавтра в семь часов вечера. Раньше нельзя, очень много работы.

Я поспешно кивнул.

– Тогда послезавтра здесь в семь вечера.

Галстук я не одел, но купил новую замшевую куртку, залез в вельветовые брюки, которые у меня пролежали без употребления никак не меньше двух месяцев. Люся ни на минуту не опоздала, что для меня явилось сюрпризом – обычно все девчонки, с которыми мне приходилось встречаться, никогда не являлись в точно назначенное время. Люся была такая же, как позавчера – улыбчивая, с теплым взглядом. Она сразу же заговорила о последних операциях, в которых ей пришлось участвовать в качестве операционной сестры. Она первая перешла на «ты»

– Лёня, ты даже представить себе не можешь, сколько ужасов приходится видеть в нашей хирургии. Мне двадцать четыре, а я уже столько насмотрелась страданий. До сих пор привыкнуть не могу, иногда снятся жуткие сны и я среди ночи просыпаюсь, валяюсь почти до утра с открытыми глазами. Ольга хирург, старше меня пятью годами, я ей завидую – у неё железные нервы.

Люся рассказывала мне о себе, о маме, которая живет в Оренбурге со своей сестрой.

– С отцом мама давно рассталась, он был ходок и любил выпить. Мама правильно сделала. А ты, Лёня?

Мне пришлось поведать о всех своих делах, об отчине, о Любе, само собой я ни слова не сказал, что на меня обрушилось за последнее время. Люся кивала, вроде внимательно слушала, но мне показалось, что это ей не очень интересно, да мне это и самому было неинтересно. Я решил перевести наш разговор в более интеллигентное русло и предложил пойти в театр. Причем накануне я узнал, что в нашем оперном идет балет «Дон Кихот». Эту книгу я читал, не то, чтобы она мне понравилась, но я хорошо запомнил там предисловие и уяснил для себя, в чем смысл чудаковатых выходок этого рыцаря печального образа. К моему удивлению Люся согласилась, но тут же сказала:

– Давай, Лёня, съездим на рынок, я куплю кое-что, завезем к тебе – ты же говоришь, что живешь на Некрасовской, – а после спектакля я заберу свои продукты и ты подкинешь меня на проспект 9-го мая – я там живу.

Здорово ли мне Люся понравилась или я просто был в ударе, но как только мы заехали на рынок, отоварились там и по крупному – у Люси были две громадные сумки и она наку-

пила килограмм пятнадцать картошки, мяса, овощей, фруктов, все это я внес в квартиру – мой язык вещал безостановочно. Говорил о романе Сервантеса, о нем самом, об этом хитром охломоне Санчо Пансе и, конечно, о благородстве дон Кихота. Люся же вроде слушала меня, но ни секунды не присела – она ходила по квартире, внимательно рассматривала каждую комнату, потолок, ванную.

– И ты, Лёничка, говоришь, что твоя мачеха тебе оставила такое жильё? Да и отец у тебя неродной был. Но такого просто не может быть. Ты или сочиняешь, или с тобой кто-то играет в какую-то темную игру.

В этих её словах было много правды. Никто никогда не поверит, что мачеха так за здорово живешь отпишет пасынку такую громадную квартиру, да и отчим при этом промолчит. С учетом всего происходящего вполне можно было решить, что кто-то играет со мной в какую-то дурную игру.

Мне понравился спектакль, я впервые увидел балет и смотрел на все происходящее на сцене с большим интересом. А вот Люся же была занята совсем другими мыслями. Она смотрела на сцену, но думала явно о другом. Уже после спектакля, когда мы ехали к ней, она несколько раз спросила, чем занималась моя мачеха, сколько ей лет.

– А сейчас, Лёня, ты поддерживаешь с ней какую-нибудь связь?

– Ну да, говорю, мы перезваниваемся несколько раз в месяц.

– И она по-прежнему работает на фармацевтической фабрике в Новосибирске?

– Наверно, но я не спрашивал.

После короткой паузы Люся спросила:

– А деньги она тебе высылает?

– Зачем? Я хорошо зарабатываю. Почему это тебя так интересует?

Люся рассмеялась, чмокнула меня в щёку и стала очень ловко распределять все продукты по своей крохотульной кухоньке. У неё была маленькая двухкомнатная квартира, довольно уютная.

На прощанье она меня ещё раз поцеловала в щеку и шепнула на ухо:

– Просто я очень любопытная, Лёничка... Завтра и послезавтра я буду очень занята. Я тебе позвоню.

Ты тоже запиши номер моего мобильного.

Наши отношения с Люсей стали настраивать меня на вполне определенные мысли. Все шло к тому, что я стал подумывать о женитьбе. Мне исполнилось двадцать восемь, я был богат, даже слишком богат – правда, об этом я не собирался никому рассказывать и Люсе в том числе. То, что я одновременно занимал пост теневого руководителя «Серториуса» меня не особенно волновало – я редко залезал на сайт конгломерата и мало вникал в дела этого малопонятного образования. Мне никто не звонил, если не считать несколько звонков Кимуры и один Нелидова. Они интересовались, нет ли у меня каких-то вопросов, сложностей, я отвечал, что все обстоит в лучшем виде и пока вопросов нет. По «Серториусу» у меня действительно вопросов не было. Неясности появились в моем общении с Люсей. Она мне очень нравилась и я готовился сделать ей предложение, судя по всему она была не против, мы целовались, но полного интима у нас ещё не произошло. И не произошло исключительно по моей нерасторопности. Несколько раз по просьбе Люси мы выезжали в небольшую деревушку где-то недалеко от Красного Яра. Жила там очень пожилая дама. Звали её Полина Ивановна и Люся ей помогала, привозила продукты, лекарства – словом, оказывала Полине Ивановне всяческий политекс. Меня это немножко удивляло, я спрашивал у Люси, почему она так привязана к этой бабушке. Она сказала, что эта женщина старинная приятельница мамы и Люся очень уважает Полину Ивановну. Именно там, в доме у этой бабки, я и сделал небольшую промашку, словом, повел себя, как последний слюнтяй. Мы уже собирались отъезжать, Люся задержалась в одной из комнат, я хотел ее позвать, вошел в эту комнату. Она стояла спиной и, низко склонившись, увязывала

какой-то баул. Вроде был разговор, что мы собирались у этой Полины Ивановны забрать какие-то шмотки и отдать в химчистку. Между прочим, эта бабка мне не очень понравилась, она часто улыбалась, называла меня препротивно Лёник и задавала много вопросов, где и с кем я живу, какая у меня профессия. Какая-то насквозь преобманная старуха.

Когда я вошел, Люся продолжала стоять низко наклонившись, её ноги были широко расставлены, четко просматривались светлые трусики. Поза хорошо мне знакомая и вполне откровенная. Незадолго до отъезда в Тольятти мы вместе с моей знакомой Светкой Полянкой отправились за Волгу, там Светка тоже продемонстрировала мне свой впечатляющий зад и выразительные очертания бедер. Тогда я проявил быстроту и оперативность к нашей обоюдной и полной радости. Сейчас же я замешкался. Потом спрашивал себя почему. От нерешительности? Не замечал я такого за собой не с мужиками, не с девками. Скорее всего, было другое: я не ожидал, что Люся пожелает так трахаться – стоя, по-собачьи, да ещё в доме у этой старой кикиморы.

Когда мы ехали обратно в город, я предложил поехать ко мне с ночевкой. Люся улыбнулась, стала неотразимо красивой и мягко проговорила:

– Не сегодня, Лёничка. Теперь тебе придется подождать.

Встречались мы с Люсей на недели раза два. Каждый раз, когда я ей звонил, у неё были всякие дела и она наши встречи переносила на другие дни. Чаше звонила она и тогда мы неплохо проводили время. Ходили на концерты в филармонию, но чаще в рестораны. Однажды в пылу откровенности, хотя я понимал, что делать этого ни в коем случае не надо, я обещал Люсе подарить машину. Она рассмеялась, потом же заявила:

– Ловлю тебя на слове: у Ольги «шевроле», мне же, Лёничка, только «фольксваген – пассат». Как ты на это посмотришь?

Я с солидностью миллионщика брякнул, что это дело решенное. Этот разговор состоялся в «Жигулях». В ту ночь я почти не спал. Надо отдать должное Люсе – такого секса у меня ещё не было. Её профессионализм и умение заводить до полного истощения сил действовал разрушающе. Она поднялась раньше меня, много раньше, поцеловала, нежно проворковала, что ей надо быть на работе, ушла, я же проспал до одиннадцати.

Эта ночь явилась для меня серьезным предупреждением. Я считал, что неплохо чувствую и оцениваю тех, с кем поддерживаю какие-то отношения. Правда, в Новосельцеве я все-таки ошибся, хотя и знал его много лет-тот был не только стяжатель, но и порядочный трус и со скрытой подлостью в душе. Но вот с Люсей вышло похуже. Не могло быть и речи о женитьбе на такой женщине. Во-первых, она не была ни теплой, ни доброй, как она мне показалась на нашей рабочей площадке у автомастерской. По одному взгляду никогда нельзя судить о людях, я же судил. А во-вторых, эта ночь после ресторанных возлияний. Люся оказалась многоопытной сукой, знающая, что нравится мужикам и как надо вести себя, чтобы самец всегда был готов приступить к делу. После той ночи я не собирался ей больше звонить, чувствовал какую-то опустошенность – наверно, она мне все-таки здорово нравилась. Через несколько дней Люся сама позвонила и очень мягко попросила съездить с ней ещё раз к её бабке, этой кикиморе Полине Ивановне. Я не мог ей отказать. Она, конечно, видела, что я как-то по другому с ней общаюсь, но не стала об этом говорить, лишь полушутливо напомнила, не забыл ли я о своем обещании подарить ей «фольксваген». Я сказал, что о своих обещаниях никогда не забываю. Сказал-то я сказал, но это обещание потеряло всякий смысл через пару деньков.

Ночью меня разбудила призывная мелодия моего мобильного. Звонила Ольга. С момента знакомства с Люсей я Ольгу видел лишь однажды – она пригласила нас в гости. У неё подрастала маленькая дочка, был муж, добродушный увалень, работавший, кажется, на авиационном заводе. Про себя я тогда подумал, сколь часто Ольга оснащает голову своего муженька ветви-

стыми рогами. Правда, я себя тотчас осадил – после ознакомления с некоторыми биографическими данными деда я дал себе зарок больше не влезать ни в какие подлунки. В целом у меня это получалось, хотя однажды я все-таки чуть ссучился. Тот сосед, который взалхлеб мне рассказывал, как вывели из захваченной гусевской квартиры каких-то проходимцев – бандюганов, меня крепко раздражил и я сболтнул почтальонше, что в тридцать девятой квартире живет мужик, который вечно таскает из почтовых ящиков жильцов всю корреспонденцию. Такие вещи случались и нередко, но мужика этого я обговорил по явной душевной гадючести. Почему такие мерзкие мыслишки пронеслись у меня об Ольге? Она, конечно, хорошо смотрелась, была при фигуре и могла отчаянно переругиваться, как тогда в нашей автомастерской. Но у меня не было никаких причин думать о ней такое. Это что – наследственный эффект Шебеко?

Голос Ольги показался мне напряжённым, даже взволнованным.

– Лёня, нам нужно срочно увидится и поговорить. У меня ночное дежурство и очень мало времени. Я подъеду, ты не возражаешь?

Ольга была в спортивной куртке, наскоро одетой на врачебный халат.

– Лёня, в двух словах. Людмила крепко закусил удила. Она заявила, что ты очень богат и она сделает все, чтобы выдоить тебя до дна – это её собственные слова. Она страшный человек. Ты мне можешь не верить, можешь подумать, что я имею какой-то зуб на неё, но ничего этого нет. Есть другое – страх. Людмила нравится мужчинами, ты не исключение и она это использует в полном объеме. У неё есть влиятельные люди в Куйбышеве, то есть в Самаре – я до сих пор не могу привыкнуть к этому убогому слову Самара – я же родилась здесь. У нас в «пироговке» работал зав хирургическим отделением. Он оказывал мне большое внимание, более чем большое. Как-то раз Людмила сказала:

– Хочешь, он больше не будет тебе докучать и вообще его здесь не будет?»

Я ничего не ответила, только отмахнулась. Представь, через неделю его уволили. Перед уходом он мне сказал:

– Олечка, берегись своей приятельницы – она способна на все и у неё есть люди, которые могут проделать самые низкие вещи».

Послушай, Лёня, ты прекрасный парень – добрый, совестливый. Я виновата, что тогда у ремонтной мастерской предложила Людмиле обратить на тебя внимание. Не подумала. Прости. Приехала я, чтобы предупредить тебя. Не верь ей ни в чем. Если у тебя действительно есть деньги, не покупай ей дорогих подарков. Она несколько раз говорила мне о твоей шикарной квартире, о том, что сделает все, чтобы эта квартира не уплыла из её рук. Я приехала ночью, чтобы она не узнала, своим на работе сказала, что мужу плохо. Если Людмила узнает, что я тебе сейчас рассказала – я могла бы и больше рассказать о ней всяких ужасов – мне не сдобровать.

Она была очень взволнована, опасливо взглядывала на пустую полутемную улицу. Я взял её руку, чуть сжал.

– Оля. Олечка, ни о чем не беспокойся, я ничего не стану рассказывать Люсе, да и вообще.

Я хотел сказать, что наши отношения с Люсей по сути подошли к концу, но не договорил. Она сказала спасибо и мы очень тепло попрощались.

Я был впечатлен словами Ольги о своей совестливости и доброте. Ничего себе совестливый – такую гадючку подбросил соседу. Я ещё раз поклялся, что никогда ничего подобного делать не буду. Поклялся, сам же думал надолго ли хватит этих клятв.

Я собирался прокатиться в Москву. Не то, чтобы прокатиться и развлечься. У меня была определенная цель. Уж если по неведомым мне причинам кого-то угораздило меня одарить горами золотыми в придачу с правлением над громадным конгломератом, то неплохо бы более детально ознакомиться с тем, что происходит в этом «Серториусе». Я стал регулярно день за днем вникать в лихие будни этой золотоносной организации.

После этих дел со сливочным маслом и его аккуратной поставкой фирмачами из «Гаргантюа» я почувствовал себя достаточно уверенно и, может быть, обзавелся дополнительным нахальством. Мне готовы были подчиняться. Слово «Хромой» действовало безотказно, у меня имелись солиднейшие бабки, как говорят банкиры, ликвиды. Я начал читать несравненно больше прежнего, читать и романы, и статьи по современному менеджменту. Так как в книжных магазинах замелькали красочные издания по искусству и архитектуре, то мне показалось интересным ближе ознакомиться с этим родом деятельности. Дни оказались забытыми чтением, лазанием по сайту «Серториуса» и я стал подумывать уж не бросить ли мне мои ремонтные дела. Решил, что не стоит – мужики там были приятные, мы как-то сдружились и уходить из автомастерской не хотелось.

Мне казалось, что я начал забывать Люсю, она не звонила, а со времени ночного приезда Ольги уже прошло время. Но забыть её так быстро не получилось. Позвонил Серега Нелидов и попросил разрешения приехать ко мне. Судя по его тону, я сделался для него начальником. Едва он перешагнул порог моей квартиры, я не преминул спросить:

– Скажи, Сергей, я для тебя кто? Малограмотный компьютерщик, типажный чайник или кто-то с большими полномочиями, спущенными кем-то носатому хромоножке невесть за какие заслуги?

Нелидов на меня уставился долгим взглядом, прочесть значение которого было, как обычно, мне не дано. Он нередко так смотрел и очень возможно, что никакого особого значения в этом взгляде вовсе и не было.

– Давай, Леонтий Дмитриевич, без выпендрежа. Ты мощная личность и сам этого не ведаешь. О тебе никто ничего не знает и не узнает. Ты серый кардинал. Не знаешь что это такое? Я тебе расскажу. У тебя есть рычаги и есть решительность и наверняка есть принципы. Ты уже кое в чем проявил себя.

Дальше Нелидов понес сплошной комплимент по моему адресу, который я всерьез не принял и посчитал, что Серега отработывает заказ тех, кто сделал меня так называемым серым кардиналом конгломерата. Он мне рассказал об этом отце Жозефе, жившем в ХУП веке во Франции, невидимом старце, обладающим большой властью. Сравнение, конечно, явно напридуманном Нелидовым. Но вот дальше Серега начал говорить о делах реальных, серьезных и впрямую касающихся лично меня. Именно для этого он и явился ко мне.

– Леонтий Дмитриевич, ты уж не сердись, но многое из того, что происходит с тобой, становится известным определенному кругу, узкому кругу преданных тебе людей. Посмотри и, прошу тебя, не комплексуй.

Нелидов извлек из нагрудного кармана модняцкой рубахи флэшкарту и вогнал её в usb компа. Через короткое время появилась фигура обнаженной женщины, стоявшей на четвереньках. Я тотчас узнал в ней Люсю, к ней приблизился мужчина, тоже в костюме Адама. Я резко сказал:

– Убери-ка в момент это блядство – я знаю, что эта сука предпочитает трахание именно в такой позиции.

Нелидов тотчас отключил показ и спокойно произнес:

– Убираю совокupление, включаю беседу. Разговор последовал почти сразу после акта. Не против?

Я промолчал. Нелидов быстро включил запись, на экране высвечивалась лишь стена комнаты с какой-то малоразличимой фотографией.

Голос Люси:

– Юрий Николаевич, мне кажется я выполняю весь объем обговоренных нами обязанностей. Ведь так?

Голос неизвестного:

– Конечно, Людочка, именно так. Даже перевыполняешь. Тебе причитаются бонусы.

Голос Люси:

– Очень хорошо. Тогда слушайте. Леонтий Дмитриевич Шебеко, двадцати семи с небольшим лет проживает в новостройке на Некрасовской, работает в автомастерской на Чкаловской – работа эта явное прикрытие его криминальных дел. Он очень богат – я знаю это наверняка. Вы его берете, устанавливаете источники его преступных поступлений. Я же в качестве бонуса хотела бы приобрести эту квартиру на Некрасовской. Как насчет такого бонуса, Юрий Николаевич? Мне кажется я прошу не так много.

После короткой паузы голос неизвестного:

– Очень интересные сведения, Людочка. Полагаю, что если все обстоит именно так с этим мальчиком, твой бонус уже в твоей сумочке. Сейчас же развелось столько этой мошкеры. Мы с ним поработаем, дорогая, можешь не сомневаться.

Что я чувствовал в эти минуты? Тревогу, какой-то страх? Ничего похожего. Скорее отвращение, что-то похожее на то, что испытывает человек, которому сунули под нос кучу дерьма и предложили его отведать. Я молчал и долго всматривался в лицо Нелидова, он же изучал мою физиономию.

Наконец, он сказал:

– Около пяти лет эта красотка прислуживает влиятельным самарским администраторам, авторитетам уголовного мира, а сверх того федеральным комитетчикам местного разлива. Юрий Николаевич Николаев, подполковник ФСБ, голос которого минуту назад услаждал наш слух, пятидесятидвухлетний хряк патронирует Андрееву, имеет её. Тело этой молодой дамы пользуют многие. В квартире Людмилы была установлена видео и аудио аппаратура. Сделано сие было исключительно для вас, Леонтий Дмитриевич, чтобы ничего не выглядело голословно. Известная вам Полина Ивановна Грушева всю жизнь исправно служила органам и Андрееву в качестве общественной нагрузки прикрепили к этой старой развалине для оказания всяческой поддержки. Пусть тебя не тревожит диалог Андреевой и Николаева – их больше нет.

– Виртуально? – не без злобинки съязвил я, чувствуя сильнейшее раздражение. Вообще Нелидов меня нередко раздражал и я действительно предпочел бы иметь дело с Кимурой. Тот это, конечно, понимал, но делал вид, что все происходит нормально.

– Вполне реально, – невозмутимо заявил Нелидов. – Их, этих людей, вернее похожих на людей, очень много. Они исповедуют культ грубой силы во все времена и остановить их можно только силой.

– Ведь эту парочку станут искать. Я встречался с этой проблядьёю несколько недель, ко мне ведь тоже могут сыскари явиться.

Нелидов помолчал, потом же нехотя проговорил:

– Не думаю. Хотя все может стать. Но против тебя у них ничего нет.

Прошло время, ко мне никто не явился и об этой стерве можно было окончательно забыть. Но что-то все-таки промелькнуло, смутно, но ощутимо. Приехал к нам в мастерскую некий мужичок весьма плюгавенькой внешности – у него там было поцарапано правое крыло, причем давно поцарапано. Марафет мы ему навели, он уже сидел в кабинете и тут неожиданно обратился ко мне:

– Ты случаем незнаком с Людмилой Андреевой?

Недаром этот мужичок мне сразу показался плюгавкой и приехал он не столько для того, чтобы наложить краску на свою говяную «ладу». Эта братва впрямую никогда не спросит – ведь он явно в курсе, что я встречался с этой вонючкой. Ответил быстро, как говорится, в одно касание, даже продемонстрировал заинтересованность:

– Ещё как знаком! Куда она подевалась? Если знаешь, скажи – в долгу не останусь.

Мужичок бегло скользнул по мне взглядом, чуть кивнул и уехал.

Наверняка этот типчик явился сюда по подсказке Полины Ивановны – кикимора знала, от меня же и знала, где я работаю. Может у этой государственной шпаны были и другие источники информации.

Все-таки я решил съездить в Москву. Не просто так, а по делам праведным. Связано мое решение было с тем, что на сайте «Серториуса» я обнаружил некую нестыковку. Большой текстильный комбинат в Подмосковье, входящий в конгломерат, неизвестно по какой причине присоединил к себе производство Лидии Шумиловой, специализирующееся на производстве сладостей, сдобы, всякого рода тортиков и прочей кондитерской продукции. Реклама этой фирмы шла под названием «Шумиловские пряники». На лого этого объединения красовался большой глазированный крепыш, приманка для детей и взрослых сладкоежек. Около четырех месяцев я занимал пост теневого руководителя «Серториуса» и все это время симпатичный пряник госпожи Шумиловой присутствовал среди символики многочисленных объединений и фирм конгломерата. Сейчас же произошел обвал. Объяснение случившегося имелось. Там было сказано: «В связи с большой задолженностью налоговому управлению, постоянными злоупотреблениями, ставшей нормой на производстве Л. Шумиловой, данное объединение закрывается и по решению райсуда Ждановского района города Москвы переходит в ведение текстильного холдинга господина Г. Аверьянова» С самого начала поглощение «Пряника» мне показалось делом нечистым. Я знал, что перегруппировка активов, тем более в пределах единого комплекса, вещь обычная и бить в барабан не стоит. Но в данном случае все это не очень стыковалось. Фирма-то была небольшая и во главе стояла женщина. Вряд ли последнее само по себе подтолкнуло бы меня на какие-то действия, тем более теперь после дел с Андреевой, Воиной и с той соседской девицей на весь женский пол я сейчас смотрел с большим недоверием. Размышляя, я решил связываться по своему мобильнику с СУ. Это спецуправление, но его функции я основательно подзабыл. И тем не менее я позвонил. Грубоватый голос поинтересовался, что надо. Начало малообещающее. Я коротко отрезал:

– Надо, чтоб ты говорил, как полагается служащему нашего конгломерата, надо, чтоб ты меньше хлебал холодного пива – посадишь голос – выгоню взашей. Здесь Хромой.

Мертвая тишина. Затем тихо, но внятно:

– Я слушаю.

– Немедленно все сведения по главе текстильного комбината господину Аверьянову, на каком основании объединение «Шумиловские пряники» было поглощено текстильщиками. Адрес предприятия Аверьянова и адрес госпожи Шумиловой передайте незамедлительно.

Мне пора было не удивляться, но все происходящее не могло не вызвать удивления и это ещё мягко сказано. В тот же день к вечеру у меня в компе были выложены все данные об Аверьянове, его полууголовном прошлом, насильственном устранении конкурентов, детали рейдерского захвата двух магазинов в Химках и Одинцове. Что до фирмы Лидии Петровны Шумиловой, то её просто удавили налогами и суд в Москве признал правомерными такие действия. Я давно знал, что такое русский суд, ещё до прихода низкорослого пахана к власти. Но все говорило о том, что нынешнее судопроизводство перешло все границы и существующая система правопорядка в России вполне достойна физического истребления. Мною овладело крутое бешенство. Ни одна из прошлых историй, касающихся лично меня, не приводила в такое состояние. Мне хотелось взглянуть собственными глазами на нахально-бандитскую физиономию Аверьянова и встретиться с Лидией Шумиловой. После некоторых колебаний я связался с Кимурой, совсем не будучи уверен, что тот в России. Но он был в Москве, и с готовностью согласился к утру следующего дня приехать и навестить меня.

Этот человек, которого я видел второй раз, продолжал меня очаровывать. Мне под тридцатку, возраст, как говорит поэт, не мальчика, но мужа – в эти годы я повстречал немало всякого люда, однако никто даже близко не действовал на меня так обезоруживающе и, может

быть, завораживающе, как великолепнейший Кимура. Он мог бы мне вешать на уши лапшу, говорить несусветную чепуху, толкать на самые невероятные поступки – все неважно: я был им зомбирован.

Мы обменялись крепким рукопожатием, я проворно, правда, не без некоторой суетливости, приготовил чай. Рассказал все, что меня крепко выводило из себя. В конце же своего несколько смятого монолога заявил:

– Если я решу физически расправиться с этим подонком Аверьяновым, мой приказ будет выполнен?

Кимура окинул меня лучезарно – доверительным взглядом.

– Дорогой Леонтий Дмитриевич, вы уверены, что названный вами человек действительно подонок?

– Уверен ли? А это зависит от того, насколько информационные службы «Сертория» выдают своему теневому начальнику верные сведения. Если эти сведения неверны, то мне нет смысла оставаться на этом посту.

Кимура улыбнулся свойственной только ему мягкой улыбкой, чуть кивнул и заметил:

– Вы можете действовать, Леонтий Дмитриевич.

Я на пару секунд задумался, затем довольно твердо сказал:

– Господин Кимура, нельзя ли на короткое время снабдить меня документом на имя собственного корреспондента какой-нибудь московской газеты?

Кимура в момент сообразил, что я затеваю.

– Можно, – широко улыбаясь, заявил он, – скажем, собственный корреспондент «Коммерсанта». Свяжитесь со спецуправлением, передайте им свою фотографию, адрес и назовите любую вымышленную фамилию, на которую будет выписан ваш журналистский документ. На следующий день удостоверение будет лежать в вашем почтовом ящике. Фотографию перешлите через e-mail.

Я плохо представлял себе, как это я буду разыгрывать из себя журналиста. Сделал я это исключительно для того, чтобы пробиться в офис к этому Аверьянову. Этот офис располагался в Москве, адрес вместе с телефоном лежал у меня на столе, также как и адрес Лидии Шумиловой. Но я колебался. Трусил? Быть может, что-то и было, но тут все-таки другое – я и раньше с неохотой вступал в контакт с незнакомыми людьми, нередко понуждал себя. Теперь же надо было не только говорить – здесь пахло крупным столкновением с многими неприятными последствиями. Хотя я и сказал Кимуре, что у меня есть желание свернуть Аверьянову шею, но это все-таки были слова, этого типа я не видел и нажимать на курок так не глядя было не по мне. Отступить, само собой, было нельзя – дурной пример для самого себя. У меня как-то все поостыло, но это неважно. Если этот Аверьяныч действительно подонистый, то он должен улетучиться в любой форме. Я поехал в Москву.

Первый мой визит был к Шумиловой. Я позвонил, ответил юный женский голосок. Этот голосок мне поведал, что мама будет к вечеру.

Шумиловой было где-то за сорок. Усталое нездоровое лицо. Узнав, что я представляю газету «Коммерсантъ», она усадила меня за стол, поставила вазочку с печеньем. Мне было непривычно лгать, тем более женщине с таким усталым лицом. Шумилова вполне поверила, что я журналист, но рассказывала о том, что произошло с её «Пряниками» неохотно.

– Молодой человек, чего вы или ваша редакция вздумали ворошить эту старую историю? Аверьянов зверюга, мразь, его люди имеют связи повсюду – в мэрии, в прокуратуре, в суде. Я ведь ни одна попала под расправу. Он и его банда погубили немало людей, некоторых в прямом смысле. На Тишинском рынке убили двух азербайджанцев, захватили их мясную лавку, да и в Химках сбросили под поезд человека, который стал настойчиво писать о делах Аверьянова и его подельников. Мою шестнадцатилетнюю дочь едва не изнасиловали – бог миловал. Не надо вам вообще в эти дела влезать – беду же на себя навлечете и никому не поможете.

– Кто знает – может и помогу. Кстати, я однажды попробовал ваши печености, шумидовские пряники – до сих вспоминаю. Думаю, уверен даже – вы вернете себе ваш бизнес.

Она невесело усмехнулась. После этого разговора во мне с новой силой закопошились мрачные инстинкты. Я связался по телефону с офисом Аверьянова, назвал себя корреспондентом «Коммерсанта» и этот именитый шмокодявник дал согласие встретиться со мной через день в одиннадцать часов утра.

Сплю я обычно без снов, иногда, правда, какие-то картинки проносятся, но утром все начисто забывается. Но в ночь накануне встречи с Аверьяновым выпал обильный киносеанс всяких образов и вроде совсем безсвязных. Почему-то опять явился мой дед в каком-то странном мундире – полувоенном, полуполицейском и чем-то смахивал тот мундир на одежку бомжа. Дмитрий Дмитриевич вертел пальцем перед носом, недобро смотрел на меня и что-то говорил-то ли увещевал, то ли грозил. То и дело возникали картинки полутемных улочек – кажется, это были Некрасовская и Чапаевская, промелькнуло перепуганное лицо Ольги и злющая физиономия Анастасии Воиной в черных лохмах – волосы эти были явно не её. Потом появилась Люся – голая, с похабной блядской полуулыбочкой. Самое непонятное в этой неразберихе появление рубщиков в мясных рядах Троицкого рынка. Откуда взялись-то? Кое – кого из этих мужичков, я, конечно, видел. Но я никогда с ними и словом не обмолвился, да и мяса там покупал считанное количество раз. Рассказывали, что эти рубщики затащили в свои ряды какую-то девицу и изнасиловали. Вроде их притянули за это дело, но вскоре они опять как ни в чем торговали. Сон был тяжелый, картины же паскудные до отвращения.

Я проснулся каким-то больным, с тяжелой головой и при этом изрядно злой. Не сразу вспомнил, что у меня встреча с господином Геннадием Григорьевичем Аверьяновым, главным управляющим текстильным комбинатом.

Командный офис этого упыря находился на Валовой, совсем недалеко от столичного центра. Я шёл от своей гостиницы пешком, ни метро, ни такси не брал – хотел развеяться и прогнать впечатления от тяжелого сна. Но вместо этого к моменту приближения в этому зданию, где размещалось, как оказалось, несколько административных управлений других ведомств, я не только не развеялся, но нагулял в себе совершенно звероподобные настроения. Я вспомнил усталые глаза Шумилиной и все то мурло обоего пола, с которым мне пришлось повстречаться. Опять в голову вспрыгнули те рыночные рубщики. И лица у них были вполне благопристойные, и улыбались они приятно. Люська, шлюха поганая, тоже улыбалась не хуже именитой кинозвезды – что с того.

У входа в это здание по обеим сторонам улицы рядами застыли машины. Как только я подошел к подъезду, угловое зрение мне услужливо подбросило картинку: почти одновременно из нескольких авто вышли хорошо одетые ребяташки. Некоторые при галстуках. Значит, эта служба не спускает с меня глаз, не исключено, что и мой спецмобильник у них в базе и они уже в курсе моей встречи. Что ж, это неплохо, неизвестно, что за боров этот Аверьянов. Его офис был на четвертом этаже. Я не поехал на лифте, шел по лестнице, искоса поглядывая, следует ли кто-нибудь за мной. Никого, но наверняка они где-то рядом – вышколены на славу.

Молоденькая девица – секретарь спросила мою фамилию.

– Аголтелов я, Владимир Владимирович. Моя встреча назначена на одиннадцать, сейчас без одной минуты.

– Геннадий Григорьевич занят, – резко заявила девица. – Когда освободится, он примет вас.

Эта замазюканная разными красителями и изрядно потрепанная особа, больше не глядя на меня, взялась за свою мобилу. Я подождал минуту и без дальнейших раздумий открыл дверь кабинета господина управляющего. Секретарша мгновенно сорвалась с места, издала какой-то вопль вроде того «Вы куда!», но слов я не разобрал – эту юную кикиморку видимо остановили.

Нетрудно было сообразить, кто это сделал. Мне тогда пришел на ум вопрос: вел бы я себя столь бесцеремонно и даже нагло, если б не был уверен в поддержке. То, что я нанес бы визит Аверьянову, это скорее всего я бы сделал. Но вот в его канцелярии вряд ли вел себя таким образом.

Я вошел в кабинет. Там находилось трое. За начальническим столом восседал сухощавый мужик, видимо, это и был Аверьянов. Ничего от борова в нём не было, но вот один из его посетителей внешне удивительно точно смахивал на одного из тех рубщиков с самарского рынка.

Бутылка фирменного коньяка, три стакана, донельзя удивленные физиономии. Сидящий на начальническом месте резко дважды нажал кнопку на столе, затем зычно выкрикнул:

– Зинуля, какого хрена ты выпустила этого носатого мудаёба!

Спустя некоторое время, вспоминая эту сцену, я удивлялся, откуда у меня взялось столько нахальства, невероятного авантюризма, приправленного явным бандитизмом. Каким бы ни был этот Аверьянов, не мне с ним разбираться и играть роль некоего праведника. К тому же я не хотел быть никаким праведником. Он гниль, об этом имелось много свидетельств. Судить его было невозможно – он на корню скупил всю правовую систему. Он убийца и это было подтверждено не только рассказом Шумиловой. Убийца, подлец, стяжатель и отъявленный бандюган, как и верховный пахан России. До того добраться было невозможно – этого же надо было удавить без лишних церемоний.

– Геннадий Григорьевич Аверьянов, это вы, не так ли? Носатый мудаёб, как вы изволили выразиться, пришел узнать, какое количество наших соотечественников вы подраздели, засудили и угробили. Газета, интересы которой я представляю, очень интересуется вашей биографией. Если вы чистосердечно, без матерщины, изложите свой послужной список, вам может выйти снисхождение.

Я готов был продолжать свою сермяжно-никчемную болтовню, но приостановился – вся эта тройка мужиков повела себя явно несоответственно с происходящим. Вроде бы всё их внимание должно было обратиться на говорившего, то есть на меня, они же постреливали глазами-то на входную дверь, то друг на друга, и заметно меньше на мою персону. Причем в их глазах наметился некий разброд, а вернее просто испуг. Я сообразил и довольно скоро: следом за мной в кабинет вошли ещё какие-то люди, наверняка те самые, которые прикомандированы к особе серого кардинала. Сделав над собой небольшое усилие, я решил не оглядываться. Аверьянов быстрым движением выдвинул ящик стола. Вперив в меня свои чуть хмельные глаза, громко вякнул:

– Ты кто, паскуда?

Один из тех, кто находился сзади, – а там, скорее всего, было несколько человек – в каком-то двойном прыжке махнул через стол, ухватил Аверьянова за правую руку, вывернул её: на пол с грохотом упал пистолет.

– Ну кто ж так ведет себя, господин Аверьянов, – заявил я, по-прежнему не оглядываясь и не имея представления, что происходит за моей спиной, – Сначала вы отматюгали меня, ни с того, ни с сего оскорбили, теперь решили вообще пристрелить.

Вас интересует, кто я? Скажу: я Кощей Бессмертный великого русского народа, действительно паскуда и похоже вечная. Вас, Геннадий Григорьевич, вызывает на погост Владыка. Вызывает он туда не только вас, но те заняты важными государственными делами и явятся позже.

Я обернулся. Их было пятеро – застыли истуканами, двое в галстуках. Все за исключением одного смотрели мимо меня. Черт знает куда смотрели. Тот, кто смотрел на меня, ждал. Я спокойно сказал:

– Аверьянова вне очереди, других можно позже. Первого на любую московскую помойку.

Я вышел из здания вполне спокойно. Было прекрасное солнечное утро и душу решительно ничего не тревожило.

Вспоминал ли я, что случилось в Москве, думал ли о том, что напрямую отдал приказ об убийстве трех человек? Откровенно говоря нет. Спрашивал себя, смог бы лично пристрелить Аверьянова, расправиться с Люськой или Волиной? Думаю смог бы. Есть люди, которые приходят в этот мир, чтобы гадить и их много. Если каждый из нас готов лишь возмущаться, негодовать, что в мире столько зла и столько гадючих гнезд, сам же по разным причинам не желает или не может их придушить, он немногим лучше всех этих смердючих созданий. Все, что мы имеем зловонного и подлючего во многом связано с нами самими. Я это понял задолго до своего тридцатилетия. Себя я никогда не считал стоящей личностью, не считал от того, что, как и мой дед, готов был ко всякого рода препакоственным делишкам. Много я, славу богу, не делал, но сделать какую-нибудь пакость мне иногда хотелось. Очень отраднo валить свое пристрастие к низкопробию на дурную наследственность или на кого-то ещё. Я иногда подумывал, может справедливо, что Еремей тогда грохнулся на своем мотоцикле и сделал меня пожизненно хромым. Мне эта хромата вполне по натуре, потому как постоянно подсуживает кому-то насолить. И вовсе не потому, что тот, кому ты хочешь подложить под зад дохлую мышь, плохой человек. В этом конгломерате наверняка было полно таких Аверьяновых и совсем неплохо было бы хотя бы часть из них выловить и отправить уже по проторенной дорожке. С другой стороны, на кой ляд это делать?

Вскоре после возвращения из Москвы я с интересом, допускаю, что не совсем здоровым, стал изучать становление некой компании «Марфенька». Я уже встречал это умильно – слащевое наименование на сайте «Сертория». Входила эта «Марфенька» в жировой комбинат под названием «Зори России». На рекламных щитах «Марфеньки» были представлены расфасовки мыла с указанием веса, названия, составляющих ингредиентов и комплиментарных отзывов потребителей. Во главе этой мыловаренной организации стоял господин Прохор Тимофеевич Бережков. Его жизнерадостный фас был инсталлирован и смотрелся этот крупнотельный господин, румяный, улыбающийся, как милый персонаж старых русских сказок. В общем, ничего особенного и если б не эта история с «Шумиловскими пряниками», залихватски-нахально проглоченными текстильным монстром подонка Аверьянова я вряд ли обратил бы внимание на эту туалетно-хозяйственную моську. Однако здесь случилась любопытная динамика и состояла она в том, что эта самая «Марфенька» слилась с «Зорями России» и главой этого объединения сделался никто иной, как господин Бережков П. Т. Я сказал себе, что тут ничего из ряда не происходит. При нормально функционирующем бизнесе такие перераспределения капитала, должностей обычное дело. Впрочем, такое я говорил себе и в этом деле с «Шумиловскими пряниками». Но у нас в империи от океана до океана ненормально развивающийся бизнес и кругом творится лихой бардак при полнейшем беспределе. Если быть до конца честным перед самим собой, я заподозрил здесь какие-то грязные махинации не от того, что эта паршивая «Марфенька» где-то могла нагадить и крепко откусить от большого пирога, а потом и весь пирог хапнуть, а исключительно по причинам отторжения от самодовольно-сытой физиономии этого Прошки Бережкова. Это был явный выхлест в духе моего Дмитрия Дмитрича Шебеко. В конце концов, теневому шефу «Серториуса» глубоко наплевать, сколько у него в конгломерате всяких жизнерадостных смердюков, ворюг и прочих молодцов криминального кроя. Я не подряжался на руководство этим гигантским образованием и совсем не стремился сделать его благопристойным. Даже если этот краснощекий мыловар кого-то там прибил, обанкротил не велика беда. К тому же я вполне могу крепко ошибаться. Вспомнить хотя бы, как я крупно залетел с этой фээсбэшной густоресничной блядью – такое не скоро забудется и нечего считать себя провидцем, неким идивидумом, наделенным обостренным чутьем на людей.

Я выбросил на некоторое время из головы и «Марфеньку», и жиркомбинат «Зори России», спокойненько изъясил из франфуртского банка пятнадцать тысяч долларов, перевел их на наши занятные скромные рубрики, хотя никакой надобности в этом не было – я просто хотел

лишний раз удостовериться, что эти счета надежно работают. В течение месяца я почти не заглядывал в компьютер, читал книги, в основном романы, и литературу из жизни знаменитостей, как-то незаметно собрал неплохую библиотеку и пришел к выводу, что вся эта болтовня вокруг электронной книги хороша лишь для тех, кто вообще не любит читать. Взять хотя бы большие монографии о художественных музеях мира – да ни одна компьютерная картинка не передаст того колорита и общего динамизма, которое создает обычная традиционная бумажная продукция, тем более теперь, когда современные печатники не только в Европе, но и в других частях света достигли такого уровня полиграфии.

Не знаю почему и что конкретно меня заставило вспомнить эту «Марфеньку» и её прежнего руководителя Прохора Бережкова. Возможно, новости об обильных распилах в сфере большого и малого бизнеса – эти новости постоянно были на слуху.

Я связался с СУ, само собой, назвался и потребовал, чтобы в кратчайший срок мне были представлены подробные сведения по личности Прохора Бережкова, нынешнего руководителя жиркомбината «Зори России». После недолгого раздумья добавил несколько капель зловония:

– Если у этого господина будет обнаружен какой-то криминал любого калибра вплоть до личных походов налево, соберите соответствующий материал, но только основательно аргументированный.

Я находился на работе, когда запел мобильник.

Надо сказать, что несмотря на то положение, которое я занимал, мне никто не звонил. Само по себе это попахивало каким-то анекдотом. Живет никому не нужный вахлак, у него несчетная куча валютных денег, его приказам подчиняются невидимые, но наверняка мобильные и оборотистые службисты, где-то рядом находятся телохранители с вполне приличным фасом, как я успел заметить в кабинете приказавшего долго жить Аверьянова, и при всем при этом ему, этому говяному серому кардиналу, никто не звонит. И тут звонок. Звонила Ольга. Надо сказать, что к этой женщине, приятельнице Люси, я относился с полным уважением и симпатией – она была хорошей матерью, заботилась о ребенке и наверняка была верной женой, да и врачом, я думаю, тоже приличным. Я, конечно, не забыл, как она ночью примчалась ко мне и предупредила о том, какие фокусы затевает против меня её подружка. Боялась, Олечка, но все-таки приехала.

– Что-то стряслось, Оль? С машиной?

– Если б только с машиной! Понимаешь, Лёня, мне постоянно названивают, я не знаю кто, спрашивают, где Людмила – она ж пропала уже несколько месяцев назад – угрожают и мне, и мужу, и ребенку, если не скажу, где она. Я же ничего не знаю, что случилось с Людмилой, мне не верят. Я вся на нервах, машину недавно вымазали краской и какой-то пакостью, прокололи все четыре колеса. В отчаянии я, Лёня, мы оба с мужем не знаем, что делать. Милиция что есть, что нет её.

– Олечка, плюнь и разотри. Разберемся со звонками, с машиной вообще не волнуйся – будет, как новенькая.

В Ольгином деле было ясно одно – эти звонки не были связаны с особистами – если даже они это дело с Андреевой и своим подполковником не спустили на тормоза, то в таком сермяжном стиле наверняка работать не станут. Тут попахивает блядскими делами Люськи с какими-то бандюгами. Это надо выяснить. И тут я впервые поблагодарил судьбу, одарившую меня «Серториусом» и силовиками, к услугам которых впрямую я ещё не прибегал. После работы позвонил в PS, уверенно объявил, что на связи Хромой, рассказал о проблемах Ольги, дал номер её телефона.

– Установите, кто именно названивает этой женщине и откуда. Постарайтесь этих падальщиков словить, выпотрошить до конца и сколько бы их там не было переселить в другие миры.

Машину Ольги мы привели в норму в течение дня, поставили новые колеса, обновили часть механики, поставили новый замок зажигания. Я сам оплатил все её расходы, само собой

выдержал нелегкое сражение со стороны Ольги, но ухитрился выиграть битву. А через неделю, вернее через пять дней мне пришла эсемеска от Кимуры. Как я понял, именно ему силовой персонал конгломерата должен был докладывать о произведенных операциях – Хромой и его реквизиты были полностью отключены от обратных контактов. Кимура сообщил, что Ольга стала объектом преследования со стороны группы мошенников, с которыми некоторое время была связана Людмила Андреева. В настоящее время эта группа в составе семи человек устранена. Мне понравился этот глагол «устранена» – в нем была мягкость, даже какая-то элегантность, главное же поставлена точка в ольном постоянном страхе.

Буквально в эти же дни вновь прорезался Кимура и сообщил любопытную новость – воскресли из небытия «Шумиловские пряники». Улыбчивый голос Кимуры поведал:

– Теперь во главе объединения стоит Виктория Карелина, дочь Лидии Шумиловой. Мать отказалась возобновлять прежний бизнес, но дочь настояла. По инициативе друзей Шумиловой были предприняты шаги по восстановлению справедливости. Управляющий текстильным комбинатом Г. Г. Аверьянов исчез, ходят слухи, что он сбежал за границу. Суд пересмотрел свое прежнее решение, признал его ошибочным. Есть дополнительные подробности по этому делу. Если вас они интересуют, Леонтий Дмитриевич.

– Нет, господин Кимура, они меня не интересуют, – поспешно прервал я его. – Благодарю вас за информацию.

Едва ли не впервые в жизни я испытал незнакомые мне чувства от сделанных благих дел. Нужно признать, что это были очень приятные чувства и теперь можно было понять тех людей, которые немалую часть средств тратили на благотворительность. Я вполне понимал, кому Шумилова была обязана пересмотром дела и никакие её друзья тут были не при чем. Маховик конгломерата мощно вращался и серому кардиналу надо было лишь задавать начальный оборот.

Моя жизнь была достаточно однообразна, работу я не собирался бросать, приятелям по ремонту не рассказывал о своем новом положении. Иногда думал о том, что такому малоинициативному типу как я абсолютно ни к чему иметь столько денег и обладать обширными властными возможностями. В самом деле, на кой черт мне миллионы, когда у меня и так все было, зачем иметь убойную команду, если вокруг не было решительно никого, кому захотелось бы свернуть шею. Я попрежнему много читал и в голову то ли от прочитанного, то ли от солидного взросления стали лезть всякие мыслишки по нашей кудлатой житухе. Почему, например, у нас нет настоящих противников властным беспредельщикам. Ведь ясно, как день, что президент и его бандюганы все законы шьют под себя, а те, что им не подходят, в момент ушивают. А нет от того, что все вроде меня – никому ничего не нужно. Какое никакое жилье есть, жратва имеется, выпивка тоже, а все остальное гори синем пламенем. Вот оно и горит испокон веком с вонючем чадом, а эти там наверху вволю изголяются в своем вранье и в говянном непотребстве. Ведь если стоящий человек имеет столько денег, ему подведомственны многие десятки бизнесов – неужели нельзя сотворить что-нибудь достойное? Не нужно приобретать особняки, яхты, покупать роскошных блядей, жить в экзотических местах с пальмами и белыми лимузинами – создай что-то пристойное и нужное, помоги, в конце концов, тем, кто мучается, тяжело болеет. А что ты делаешь? Вкалываешь в автомастерской по восемь часов, пьешь горькую с коллегами. Ну разве не кретин? Положим у меня башки не хватает или ленность забивает, ну так хотя бы попытайся что-то сделать – ведь знаешь, что воспитательницы в нескольких детских садах пороги обивают у городской администрации, чтобы увеличили средства на детское питание. Ольга недавно звонила, много говорила о нелегком положении в больнице, нехватке препаратов и современного медицинского оборудования. Кстати, об Ольге. После того, как та мошकारа была отогнана от её семейства, она стала совершенно по другому относиться ко мне. Похоже было на то, что она начала видеть во мне какого-то влиятельного мужика, возможно, даже

мафиозного авторитета. Ничего такого Оля не говорила, но по её взглядам было заметно новое отношение к господину Шебеко. Раз в неделю она позвонила, всякий раз спрашивала, не нужно ли чего. Мне это было приятно. Теперь у меня было два постоянных абонента – Люба и Ольга.

У меня из головы полностью выпало то задание, которое я поручил спецуправлению конгломерата. С момента моего распоряжения прошло что-то около двух с лишним недель и тут внезапный звонок. Серега Нелидов. Откровенно говоря, мне этот парень с момента нашего знакомства был не по нутру. Решительно ничего дурного в нем не просматривалось. Правда, злопыхательство изредка выползало и что-то недоброе в нем таилось. И что из этого? Во мне же самом такое имелось и, возможно, даже больше, чем в Нелидове. Эта интересная особенность в людях – они терпеть не могут в других именно то, что в избытке есть в них самих. По всему я должен быть благодарен Сереге – он подарил мне комп, без всякой корысти давал мне уроки на ноутбуке, хотя, конечно, я понимал, что Нелидов выполняет чьи-то указания. Но ведь и Кимура выполнял чьи-то приказы, но отношение у меня к нему было совершенно противоположное.

Нелидов жизнерадостно заявил:

– Примите моё восхищение, Леонтий Дмитриевич. Ваш провидческий дар потрясает. Была произведена глубокая проверка всей деятельности господина Бережкова Прохора Тимофеевича, нынешнего директора жиркомбината «Зори России». Это уголовник высшего порядка, он сидел два года за растрату, срок ему значительно скостили. Прошка, как документально доказано, организовал ограбление оптового склада запчастей для сельхозтехники. Украденное было перевезено в вятскую область, где возникло несколько ремонтных мастерских, при них приличный магазин по продаже малогабаритных грузовичков заграничного производства, а также автомобилей со вторых рук. В Котельничих в настоящее время возводится здание для будущего мясокомбината. Вся эта собственность принадлежит господину Бережкову, но по документам мастерские, упомянутый магазин и возводимый домино записан на подставное лицо, на господина Никонова, кстати, замуправляющего мыловарней «Марфенька». Вы, Леонтий Дмитриевич, разворотили такой ублюдочный гадюшник, что там потянет на несколько крупномасштабных уголовков. И это ещё не все, а что до бабьих дел Прошки, то сам Казанова может передохнуть. Тут.

– Заткнись! – сказал я вполне спокойно. – Серёга, благодарю тебя за твои благие дела, за ноутбук, за уроки. А теперь отвали – скажи Кимуре или кому-то ещё из ответственных тружеников «Серториуса», что общение между нами исчерпало свой цикл. Не жди никаких объяснений или, тем более, последствий. Ты мой позавчерашний день.

Нелидов был для меня даже больше, чем позавчерашний день – от него тянуло теми дворовыми пацанами школьных лет, от которых исходила убогость и неизбежное перерастание в то самое многомиллионное быдло, которое и есть картинка как древнейшего, так и нынешнего паханата. Что до этого смердюка Прошки, то его деяния меня не волновали – теперь я уже не сомневался, что в составе «Серториуса» таких уголовных проходимцев не перечесть и в этом отношении русская бизнесактивность немногим будет отличаться от забугорной. Западные авторы от Золя и Драйзера и тех, кто сочиняет сегодня, впрямую подраздели всю европейскую цивилизацию. От увеличения числа праведников и борцов с несправедливостью мир лучше не станет.

Не знаю, что именно испортило мне настроение: новости о проходимце Бережкове, общение с самим Нелидовым, который вдохновенно докладывал об искуснике Прошке, или вообще в последнее время мне было как-то не по себе. Имелось здесь и ещё одно обстоятельство – я обнаружил, что часть и немалая часть компаний конгломерата была недоступна. Я несколько раз пытался выйти на эти компании, использовал имеющиеся реквизиты, номера телефонов – блокировка была полной. Я видел по названиям, что это были иностранные компании и прекрасно помнил, что в первую нашу встречу Кимура связывался с кем-то из этих корпораций и

что-то говорил на английском. Тогда я этому не придавал значения. Сейчас же это меня почему-то стало раздражать и я собирался в ближайшее время обратиться к Кимуре за разъяснением, но так и не обратился. Решил наплевать, а спустя некоторое время спокойно рассудил, что мне нечего соваться к иностранным воротилам с моим русским и моим полным незнанием всей бизнескомбинаторики. Вероятно, примерно так и рассуждали те, кто подбросил мне все эти игрища.

И ещё я подумал, что вся эта затея в любой день может рассыпаться и этого недоделанного придурка Хромого запихнут в какой-нибудь острог, станут пытаться, заставят отдать миллионные бабки с забугорных счетов и выбросят на какую-нибудь свалку со всякими ржавыми железяками и дохлыми кошками.

Я стал попивать и не только со своими дружками – работягами из мастерской, но и после работы. Не могу сказать, что хмельное состояние, даже основательное, приносило какую-то радость, поднимало настроение – давало оно лишь размагниченность, равнодушие ко всему происходящему и заметное отупение.

Эта была последняя июльская пятница. Я поднимался по некрасовскому спуску, только что выкупался, дохловато выкупался; вода в Волге в тот вечер мне показалась особенно грязной и я через десять минут уже вылез. Зашел в какую-то новую забегаловку, выпил сто грамм белой, без закуски. Никаким выпивохой я не был, но почему-то пьянел плохо. Двинулся было в сторону библиотеки, но передумал, решил зайти домой, сесть в машину и отправиться куда-нибудь в сельскую местность.

Я проходил маленький сквер, его называли «Три вяза». Там были эти вязы, кривые и неказистые, рядом стояли скамейки, на одной из них сидела девушка лет пятнадцати, она рылась в своей сумочке; её темные волосы свешивались на плечо и доходили до самой талии. На шее девицы был увязанный свободным узлом сиренево-серебристый платок, длиннющий, явно декоративный. Она была в темной джинсовой паре и светлых кроссовках. Никогда раньше я не заговаривал с женским полом на улице. Теперь же после всех моих дел с женщинами я и помыслить не мог, что с какой-то юбкой вступлю в контакт. И однако ж черт меня надоумил, проходя мимо этой скамейки, ляпнуть, вспомнив давнишнюю историю с соседской девчонкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.